

Анна Родари

ПОРТ В НЕБЕ

(КАЗКА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Издательство
„Детская литература“
Москва 1969*

И (Итал)
Р 60

Gianni Rodari
La torta in cielo
Torino, 1966

Дело происходит в Италии,
в наши дни. Некий профессор
Икс изобрёл атомную бомбу
особого свойства. На прави-
тельственном банкете по пово-
ду этого изобретения кто-то
уронил в эту бомбу кусок шо-
коладного торта. А что из это-
го вышло, вы узнаете, прочи-
тав сатирическую сказку-пам-
флет известного итальянского
писателя Джанни Родари
«Торт в небе».

РИСУНКИ Б.МАРКЕВИЧА

Джанни Родари

ТОРТ
В
НЕБЕ

СКАЗКА

Перевод
с итальянского
В. Смирнова

Эту историю сочинили ребята начальной школы Коллоди в римском пригороде Трулло, ученики синьорины Марии Луизы Биджаретти, которые окончили пятый класс в 1964 году, напечатали её в «Известиях малышей», тоже в 1964 году, и посвящается она всем своим читателям с первой страницы до последней, каждому читателю каждая страница.

Марсиане

Дело было апрельским утром в Трулло, часов около шести. Люди стояли на остановке и ждали первого автобуса в центр, смотрели, какая сегодня будет погода. И вдруг глянь — чуть ли не всё небо закрыло что-то огромное, круглое, тёмное; и вот уж не видать облаков, а только какой-то непонятный предмет неподвижно повис на высоте тысячи метров над крышами домов.

— Ax! — вскрикнули одни.

— Ox! — вскрикнули другие.

Потом раздался возглас:

— Марсиане!

Он прозвучал как сигнал, как призыв. Посёлок сразу зашумел, на площадь стала стекаться толпа. Распахивались настежь окна, из них с любопытством высовывались люди — небось опять автомобильная катастрофа; но только они поднимали глаза к небу — и ну галдеть, хлопать дверьми, спускать жалюзи и топать по лестницам и дворам.

— Марсиане!
— Летающая тарелка!
— Уж не затмение ли?

Тарелка казалась дыркой в небе, а вокруг светилась прозрачная голубая корона.

— Выдумали тоже — затмение! Светопреставление!
— Преувеличиваете! Ни с того ни с сего светопреставление?

— Как же, вас должны любезно предупредить заказным письмом: «Приготовьтесь: в такой-то день, в такой час весь свет полетит вверх тормашками!»

Из бара «Италия», вытирая руки о грязный передник, вышел официант. Он глянул на небо и вдруг согнулся пополам, словно его хватили сзади по черепу. Какая-то женщина крикнула ему с балкона:

— Позвони пожарным, Августо!
— А чего им звонить?
— Скажи им, у нас марсиане, скажи им, глупый. Неужто не видишь сам?

— А при чём тут пожарные? Так они их и испугались!

— Позвони, позвони, вот увидишь, испугаются.

Августо вернулся в бар, опустил жетон и набрал номер пожарной команды.

— Алло, скорее в Трулло, у нас марсиане!

— Кто говорит?

— Августо.

— С приветом, я — Юлий Цезарь. Не стыдно, набрался в такую рань?

И телефонист повесил трубку. Но через две минуты, ответив чуть ли не на два десятка вызовов в том же духе, он наконец решил поднять тревогу и сказал дежурному:

— Похоже, у них там массовое помешательство. Может, известить психиатрическую больницу?

А в Трулло кто не показывал носу из дома, тот стоял как пригвождённый у телефона. Одни вызывали полицию, другие пожарников, третьи карабинеров.

Вот из булочной вышел пекарский подмастерье — каскерино, он каждое утро в этот час развозил по барам рожки и коврижки с изюмом. Он поставил корзинку со своим пахучим грузом на руль велосипеда и собрался вскочить в седло, как вдруг взглянул на небо — и бух на землю вместе с корзинкой и велосипедом.

Хоть римские каскерино и гордятся тем, что никогда не падают, ну да и на старуху бывает проруха. Каскерино вскочил на ноги, вбежал в лавку и завопил:

— Карапул! Луна с неба свалилась!

Только космической катастрофой он мог оправдать своё падение.

Рожки и коврижки так и остались лежать посреди дороги. Вдруг, откуда ни возьмись, набежал пёс, хвать в зубы коврижку и давай бог ноги, не дожидаясь палки.

— Это собака синьора Мелетти, — сказал мясник своей жене. — Самая скверная собака в посёлке принадлежит полицейскому. Вот и удивляйся после этого, что у нас в Италии всё идёт вкривь да вкось.

Как-то раз полицейский Мелетти, горя желанием содрать штраф с какого-нибудь автомобилиста, спрятался в засаду за лошадью одного извозчика. С тех пор мальчишки из «образованных» звали его не иначе как Хитроумный Одиссей, а его пса — Аргус, хотя на самом деле имя пса было Зорро.

Он был умный пёс и отзывался на обе клички. Но в то утро он не отзывался бы и на «ваше превосходительство». Крепко сжимая в зубах коврижку, он шмыгнул в подъезд и помчался по лестнице к дверям родной квартиры. Паоло сегодня встал пораньше, чтобы сделать уроки. Он услышал, как Зорро скребётся, и открыл ему.

— Откуда бежишь, бродяжка?

Но Зорро был слишком занят, чтобы отвечать, он пробежал через кухню на балкон и улёгся с намерением тихо-мирно позавтракать.

— Что там у тебя? Коврижка? А ну, дай кусочек, не то скажу папе, когда он придёт.

Синьор Мелетти спозаранку ушёл на службу; его жену, синьору Чечилию, срочно вызвали делать укол. В доме оставались только Паоло и Рита — она ещё спала. Паоло как старший должен был вовремя разбудить её и вскипятить молоко.

— Поди сюда!

Но Зорро даже не подумал делиться лакомством и единственным духом проглотил коврижку.

Паоло прошёл на балкон, полный решимости наказать Зорро за неповинование, и тут увидел такое, что забыл и про собаку, и про коврижку.

— Рита! — крикнул он. — Иди скорее сюда! Рита!

— А что такое? — отзывался сонный голосок.

— Иди посмотри, ну же!

— А что, уже пора в школу?

— Похоже, школы сегодня не будет.

При этих словах Рита мигом проснулась и выбежала на балкон, и в тот же момент раздался вой сирены: это на площадь Трулло вкатили пожарники.

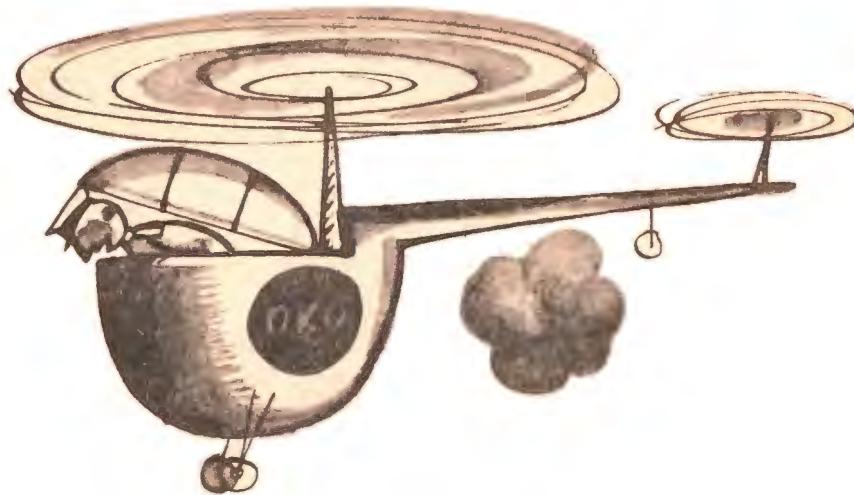
— Мамочки! Пожар!

— Да ещё какой пожар! Глянь-ка на небо!

— Фу, какое гадкое облако! Наверное, будет сильная гроза.

— Дурочка ты, дурочка. Да ведь это космическая станция.

— Какая-какая?

— Ах ты невежда, невежда! И чему только тебя учат во втором классе!

— Тому же, чему и тебя в пятом. А что, пожарники должны залезть туда по лестнице?

— Да, и потушить луну. Там наверху астронавты.

— А, понятно! Позови меня, когда начнут, ладно? А я пока пойду зубы чистить.

И Рита грациозно удалилась в направлении ванной; мамы нет, неплохо бы вымыть голову кукле, подумалось ей.

Паоло не удерживал её: чего с такой разговаривать? А тем временем на площади каждую минуту происходило что-нибудь новое. Вслед за пожарными посёлок наводнили полицейские автомобили. А вот уж и на дороге из Рима что-то показалось. Ба, да это броневик, и ещё броневик, и ещё! А там и танк, и ещё танк! А это что, неужели пушки? Ну да, пушки. И даже ракеты, чёрт побери!

«Прямо как на торжественном параде», — с волнением подумал Паоло.

Но куда интереснее было глядеть на большущий таинственный предмет в небе. Он был не меньше километра в поперечнике и бросал зловещую чёрную тень на дома, цементные сушильни и гремящие бронемашинами дороги.

— Неужели будет война?

С востока, звения, словно металлический комар, прилетел вертолёт. Он приблизился к «тарелке» на сто метров и стал медленно-медленно облетать её. Казалось, он выискивает местечко, куда бы поудобнее её ужалить.

«Сейчас он тебе задаст», — подумал Паоло, в душе сочувствуя тому, кого считал сильнее.

Зорро тоскливо подывал и повизгивал.

— Что, перетрусил? — сказал Паоло и, нагнувшись, почесал ему спину.

«Внимание, внимание! — загремел громкоговоритель на полицейском автомобиле. — Население призывается сохранять спокойствие. Военное командование полностью контролирует положение. Объявляется тревога. Вплоть до последующих распоряжений запрещается входить и выходить из посёлка. Зайдите в дома, спуститесь в погреба и спокойно ждите дальнейших указаний. Внимание, внимание...» — вновь забубнил громкоговоритель.

— О чём они там? — крикнула Рита из ванной.

— Ни о чём.

— Как — ни о чём? Какой шум подняли! Наверное, это какое-нибудь объявление. Уж не раздают ли опять что-нибудь? В тот раз, когда раздавали воздушные шары, я из-за тебя опоздала!

Рита вышла на балкон, ожесточённо растирая сухие глаза полотенцем — надо ведь показать брату, что она как следует умылась.

Паоло повернулся и хотел ей что-то сказать, как вдруг в воздухе мелькнула какая-то тень. Птица? Нет, для птицы она была слишком велика.

— Ложись! — крикнул он, обхватил испуганную Риту за плечи и бросился на пол, увлекая её за собой.

— А что такое?

Что-то шлёпнулось в правый угол балкона, в метре от руки Паоло, в тридцати сантиметрах от лапы Зорро, который с ворчанием отскочил назад. Шлёпнулось, но не взорвалось, а так и осталось лежать между двумя горшками с геранями. Непонятный предмет был того же цвета, что и непонятная

штука в небе. Паоло рассмотрел это сквозь растопыренные пальцы, которыми прикрыл лицо. На бомбу не похоже. Тогда, может, какое-нибудь сообщение?

— Ой, страшно! — прошептала Рита. — Давай тоже спустимся в подвал, а?

— Тогда мы ничего не увидим.

— А мне страшно! И потом, слышишь, что говорит репропдуктор?

Голос из громкоговорителя монотонно долбил свои распоряжения, объезжая двор за двором.

«А что, если подойти к этому снаряду и исследовать его научным способом? Если б Христофор Колумб боялся, как я, — думал Паоло, подбодряя себя, — Америка до сих пор не была бы открыта».

— Что нам делать? — хныкала Рита. — Я испачкаю себе пижаму, если буду так валяться на полу, вот скажу маме, тогда увидишь!

— Молчи, я думаю.

Но долго думать ему не пришлось. Зорро тихонько притянул лапу к загадочному предмету и, молотя от волнения хвостом, шлётинул его разок для пробы.

— Пошёл прочь, Зорро!

— Не смей трогать!

Зорро оглянулся, его влажные глаза говорили: «Спокойно, спокойно, я своё дело знаю. Уж на мой-то нюх можно положиться».

Он высунул кончик языка и пополз на брюхе вперёд. Пять... Четыре... Три... Два... Один... Контакт!

Зорро коснулся цели языком и начал быстро-быстро ли-зать её. А его хвост заработал, словно винт вертолёта.

Тут уж Паоло не вытерпел, подскочил к Зорро, отшвырнул его ногой и стал на страже возле неизвестной штуки.

— Что это? — спросила Рита, поднимая всклокоченную голову.

— Сейчас посмотрю. Наверно, там внутри какое-нибудь сообщение.

— А ты не чувствуешь запаха?

— Запаха? Ты что, ещё не проснулась?

Рита оттолкнула Зорро, который норовил вернуть утраченные позиции, и тоже приблизилась к непонятному предмету.

— Хочешь, дотронусь? — спросила она.

— Дурочка, думаешь, я боюсь? Просто я хочу сперва немножко изучить эту фиговину.

— Ты правда-правда не чуешь запаха?

— Не чую.

Недолго думая Рита перешла от слов к делу. Она дотронулась до неизвестного предмета, и на её пальце осталось тёмное пятно. Она внимательно рассмотрела пятно и решительно сунула палец в рот. Пососала палец, поднесла его к глазам, розовый и влажный, и издала торжествующий вопль:

— Шоколад! Что я тебе говорила! Попробуй сам, если не веришь! Ну попробуй!

Паоло попробовал. Рита попробовала ещё, и Паоло тоже попробовал ещё. Сомнений быть не могло: к ним с неба свалился большущий кусок шоколада. Причём высшего сорта, такой у него был запах и вкус, такое приятное ощущение он оставлял во рту.

— Умм... Вкусный! — сказала Рита.

— Отличный, — поддакнул Паоло с набитым ртом. — Почём знать, может, они увидели нас и бросили шоколад в знак дружеских намерений?

— Кто «они»?

— Ну, эти, марсиане или кто там ещё может быть. Откуда я знаю, кто?

— По-моему, это пицца, — вынесла приговор Рита, указывая на большое круглое пятно в небе.

По-нашему, Рите следовало бы сказать «торт». Но в Трулло одним словом называют и ватрушку с помидорами, и шоколадный торт, и слово это — «пицца». Можно ещё сказать «сладкая пицца». И если торты, благородные сыны кондитерского искусства, обижаются, когда их заодно с их более скромными сёстрами называют «пицца», тем хуже для них.

,,Диомед, я Дедал...“

— Диомед, я Дедал. Диомед, я Дедал. Приём.

— Я Диомед. Вас слышу. Приём.

— Закончил облёт неопознанного объекта. По моим расчётам, его окружность составляет три тысячи сто сорок метров. Чтобы определить диаметр, следует разделить на три целых четырнадцать сотых.

— Знаем, знаем. Продолжайте.

— Слушаюсь. Боковая поверхность окрашена в полосы разного цвета. Расположение полос снизу вверх: коричневая, розовая, зелёная, снова коричневая, жёлтая, фиолетовая, белая. Хочу подняться выше. Приём.

— Я Диомед. Погодите. Вы не обнаружили на боках объекта каких-либо отверстий? Каких-нибудь окошечек, иллюминаторов, дверей?

— Я Дедал. Ничего подобного не обнаружил. Боковая поверхность повсюду сплошная. Приём.

— Я Диомед. Поднимайтесь выше и замерьте высоту,

обследуйте верхнюю поверхность. Соблюдайте безопасную дистанцию. Приём.

— Вас понял. Кончую приём.

Такой разговор состоялся около восьми часов того незабываемого утра между пилотом военного вертолёта под условным наименованием «Дедал» и генеральным командованием ОКО, разместившимся в здании школьного управления Трулло, причём ОКО в данном случае означало не око, а Операция Космическая Опасность. Так называли военные меры, принятые в связи с появлением загадочной летающей тарелки. Само командование обозначалось условным наименованием «Диомед». Придумав три звучных названия, власти получили полное основание считать себя на высоте положения.

В комнате «Диомеда» собралось множество высокопоставленных особ, среди них один генерал, двое знаменитых учёных — профессор Росси и профессор Теренцио, а также синьор Мелетти, по прозвищу Хитроумный Одиссей, полицейский и отец Паоло и Риты, приставленный к этим особам

для выполнения срочных поручений. (Так, он уже раза два бегал организовывать для них кофе.)

— Я Дедал,зываю командование,— вновь раздался голос пилота.

Генерал собственолично склонился к микрофону и ответил:

— Я Диомед. Докладывайте.

— Высота неопознанного объекта около двадцати пяти метров. Чтобы рассчитать объём...

— Знаем мы геометрию! Ограничтесь изложением фактов.

— Слушаюсь. Верхняя поверхность представляет собой восхитительную панораму сливочного цвета. Это поистине замечательное зрелище!

— Отставить восхитительные знаки! — рявкнул «Диомед». — Вы не продавец холодильников! Докладывайте о том, что видите — и точка. Приём.

— Слушаюсь, синьор. Вижу красные шары, равномерно распределённые по белой поверхности. Их несколько сот. Похожи на большие засахаренные вишни, если мне будет позволено сравнение.

— Не будет! — рассвирепел генерал. — Избавьте нас от сравнений! Лучше сосчитайте шары.

«Дедал» умолк — принялся подсчитывать шары, а профессор Росси озабоченно покачал головой и пробормотал:

— Ловко придумано, ничего не скажешь!

— Вы находите? — усмехнулся профессор Теренцио.

— А вы разве не думаете то же самое?

— Отнюдь, многоуважаемый коллега. Я думаю как раз обратное.

— Помилуйте, синьоры! — взмолился генерал. — Позвольте узнать, что же вы в конце концов думаете?

— Я Дедал, — вновь зазвучал репродуктор, прерывая беседу. — Вы меня слышите? Приём.

— К сожалению, слышим, — ответил «Диомед». — Слышим весь тот вздор, который вы несёте.

— Заметил бумажного змея.

— Что-о-о? Вы совсем ошалели!

— Подтверждаю, синьор: заметил бумажного змея. Поднимается с одной из крыш посёлка. Должен ли я пойти на перехват? Приём.

— Я Диомед. Ничего не предпринимайте. Оставайтесь на месте, мы сейчас произведём расследование. Кончую приём.

Расследование было произведено немедленно и не заняло много времени: все бросились к окну и увидели бумажного змея — он поднимался навстречу загадочному объекту, трепыхая на ветру тремя разноцветными бумажными хвостами.

— Сигнализация с земли, — раздался зловещий голос. — Донесения тайных разведчиков. Очевидно, космические агрессоры имеют сторонников среди населения.

— Не может этого быть! — испуганно воскликнул полицейский Мелетти. — Я в Трулло всех знаю: славный народ, отличные люди. Какие у них сношения с марсианами, помилуйте!

— Что ж тогда?

«Чтоб я помер, это змей моего Паоло!» — воскликнул про себя Хитроумный Одиссей, осенённый ужасной догадкой.

Ни слова не сказав, не дожидаясь никаких приказаний, он очертя голову вылетел на улицу и вскочил на велосипед. Не прошло и нескольких минут, как он вкатил на обезлюдовший двор своего дома, вмиг отыскал взглядом свой балкон и громко крикнул:

— Паоло! Рита! Что вы там вытворяете? Почему вы не спустились в подвал вместе со всеми? Вы что, не слыхали трёхоги?

— Папочка! — отозвалась Рита, хлопая в ладьши. — Иди помоги нам!

— Уберите немедленно змей! Вы что, хотите, чтобы меня упрятали в тюрьму за шпионаж?

— А мы ничуточки не шпионим, мы просто хотим достать кусок торта, вот и всё.

— Я вам дам торт! Чтоб духу вашего не было на балконе!

— Ну папочка...

— Хотите, чтобы я поднялся? А ну марш с балкона!

Удручённые ребятишки нехотя подчинились и выполнили

по крайней мере половину приказания: убрали змея. Но спускаться в подвал они и не подумали, а только ушли с балкона и продолжали наблюдать за небом из кухни.

— Жалко! — сказала Рита. — Ведь со змеем-то мы здорово придумали!

— Так-то оно так, да нам не ответили, — сказал Паоло.

— А кто бы, ты хотел, чтобы тебе ответил? Ведь это все-го-навсего торт, как его ещё назовёшь?

— Это космический корабль, дурочка.

— Тогда зачем же ты согласился со мной и запустил змея?

— Уж конечно, не за тем, чтобы достать ещё кусок шоколада, я хотел подать сигнал марсианам.

— Эх ты, голова у тебя опилками набита! Да и у всех вас в голове опилки. Эти внизу хотят палить по торту из пушек. Ты хочешь, чтобы торт написал тебе записку?

— Это не торт.

— А я тебе говорю — это торт; ты что, итальянского языка не понимаешь?

— Ладно, хватит! Давай лучше посидим да поразмыслим. Со змеем не вышло, может, что другое надумаем.

Несколько часов спустя:

— Диомед, я Дедал. Приём.

— Я Диомед. Докладывайте. Приём.

— Их тысяча двести сорок семь. Снова поднялся к верхней поверхности наблюдаемого объекта. Нахожусь на высоте шестьсот пятьдесят четыре метра над уровнем моря...

— Как вы сказали?

— Нахожусь на высоте шестьсот пятьдесят четыре метра над уровнем моря. А что?

— А то, что вы несомненно пьяны. Утром, когда вы впервые обследовали объект, вы доложили, что находитесь на высоте девятьсот восемнадцать метров. Чем вы объясняете разницу?

— Я не объясняю. Могу лишь определить её: девятьсот восемнадцать минус шестьсот пятьдесят четыре равно...

— Ну хватит. Кончую приём.

И генерал подкрепил слово «кончую» здоровенным ударом кулака об стол.

— Так вот какое дело, синьоры, — обратился он к присутствующим, — загадочный космический корабль приземляется.

Потянулось напряжённое ожидание, оно длилось до самого заката. Таинственный объект постепенно, метр за метром, терял высоту. К тому же часов около трёх дня, слабо колыхаясь, он начал перемещаться на северо-восток. «Диомед» с облегчением вздохнул: хорошо хоть, противник не намеревается снизиться на крыши и балконы и раздавить посёлок.

По примерным расчётам приземление должно было со-

стояться на горе Коко — каменистом голом бугре, который возвышался за школой. Ребятишки бегали туда играть в любую погоду. На плоской верхушке бугра стоял соломенный шалаш абруцских пастухов, которые спускались зимовать со своим скотом в долину, а на середине склона — простой загон из колючей проволоки, куда загонялись на ночь овцы.

Что до генерала, то он охотно сократил бы время выживания и открыл огонь. Но директивы правительства — а оно вот уже несколько часов поддерживало контакт с великими мировыми державами — категорически гласили: прибегнуть к оружию лишь в том случае, если неведомые пришельцы из космоса нападут первыми; воздерживаться от всяких враждебных действий во избежание жестоких ответных мер, чтобы не привести к плачевному концу первую встречу человечества с существами другого мира; быть начеку, готовыми ко всему.

Вот почему, когда намерения летающей тарелки прояснились, «Диомед» развернул свои боевые порядки вокруг холма по фронту в несколько километров. Пушки, огнемёты, танки, ракеты класса «Земля — Земля» взяли в кольцо осады гору Коко, когда непонятная штука мягко и беззвучно опустилась на неё, полностью очистив тронутое закатными красками небо.

Таинственный синьор Джеппетто

— Прощай торт, — вздохнула Рита, наблюдая за манёврами осадных средств и сглатывая слюнки.

— Вот сумасшедшая! — пробормотал Паоло. — Тебе говорят: это космический корабль.

— Открой глаза! Не видишь, что ли, он весь внизу шоколадный. А сверху розовый, жёлтый, зелёный. Вкуснющий торт!

— Нет, это, наверное, цвета марсианского флага.

— Давай поспорим? Я говорю: торт; ты говоришь: космический корабль. Кто победит, тот забирает все карманные деньги на неделю.

- На месяц, — поправил Паоло.
 - Хоть на целый год, хочешь? — подхватила Рита.
 - Год это долго...
 - Ага, струсиш! А я вот нисколечко не боюсь.
 - Ладно, на год так на год, — вспыхнув, ответил Паоло. — Ну, а теперь пойдём смотреть, что это такое.
- Тут настал Ритин черёд призадуматься.
- А ты думаешь, нас пропустят?

Паоло не ответил. Он уже некоторое время смотрел в сторону Мальяны на пустынную дорогу, по которой брело стадо баранов под присмотром двух пастухов. Они шли с пастбищ, с жёлтых холмов Агро, изрытых заброшенными песчаными карьерами. Как всякий вечер, они возвращались на закате к горе Коко, проходя через весь посёлок.

«Хотел бы я посмотреть, как баранов будут загонять в подвал, — усмехнулся про себя Паоло. — И собаку тоже».

Но вооружённые силы ни о чём таком и не помышляли. Они стояли к Трулло спиной и видели перед собой лишь гору Коко и диковинную штуку, которая прикрывала её, словно огромная шляпа. Бараны сплошной кучей с блеянием продвигались вперёд, и когда какой-нибудь один отбивался от стада, норовя ущипнуть на обочине пучок травы, собака подбегала и загоняла его обратно в строй. Зорро, который продремал весь день на балконе, приветственно гавкнул своему собрату, но тот даже не обратил на него внимания — занят, мол, не до тебя.

— Возьми с собой совки, — сказал Паоло, вдруг что-то надумав. — Те, что ты брала на море в прошлом году. А я возьму карманный фонарик.

- Зачем? — удивилась Рита.
- Хочу выиграть спор. Ну, а если тренишь, не ходи.
- Вот ешё! Обязательно пойду!
- Тогда так: помнишь Хитроумного Одиссея?
- Ты хочешь, чтобы я про папу не думала?
- Дурочка, я про настоящего Одиссея говорю. Сколько раз я тебе про него рассказывал. Как он вышел из пещеры Полифема.

— А, он уцепился за шерсть на брюхе барана, по-тво-

ему, мы тоже так сможем?.. Только ведь я у барана под брюхом не помещусь.

— И не надо. Пошли.

— А маме оставим записку?

Синьору Чечилию тревога застала в доме больного, и, перед тем как спуститься в погреб, она выбежала позвонить своим отпрыскам и велела им спрятаться у соседки. Оставить ей записку значило признаться, что они её не послушались.

— Мы вернёмся домой раньше неё, — сказал Паоло.

Рита не была в этом уверена, но, не раздумывая, последовала за братом. Сейчас главный был он. Бросив взгляд на Зорро, который всё лаял на баранов, она взяла совки и вышла вслед за Паоло на лестницу.

Их никто не остановил в подъезде, никто не задержал на улице и не посадил под замок.

Паоло пропустил стадо и пристроился ему в хвост. Сестрёнка последовала за ним. Сторожевой пёс недоверчиво зрычал, но тут же бросился за ягнёнком, нарушившим строй. Пастухи, не оборачиваясь, спокойно приближались к холму. Похоже, они и думать не думали, что сегодняшний вечер особенный, что на их знакомой тропинке стал заслоном цепкий отряд пожарников, а на верхушке горы Коко разлеглась диковинная штуковина, от которой у всего мира дух занялся.

— Вы куда? — вдруг крикнул один из полицейских, услыхав у себя за спиной топот стада.

— Добрый вечер, синьор лейтенант. Разве нельзя? Мы же пастухи, идём со стадом.

— А ну-ка, заворачивайте назад, ну!

Остальные полицейские обернулись и добродушно расхохотались. И это была их ошибка, как объяснил потом Паоло Рите. Бараны шуток не понимают. В двадцати метрах перед собой они видели лишь свой холм и привычный загон, который примет их на ночь. Они бы ещё послушались своих поводырей, но один был несмышлённый мальчишка, а другой туг на ухо. И не успели полицейские втолковать пастухам, что подниматься на холм нельзя, как упрямые да ещё напуган-

ные бараны, толкаясь, напирая и отчаянно блея, прорвались сквозь ряды осадного воинства, подняв к небу тучу пыли.

— Делай, как я,— вполголоса приказал Паоло Рите.— Живее.

Он под шумок прошмыгнул на четвереньках в середину стада, и этого было достаточно — об остальном позаботились бараны. Они подхватили и понесли его вверх по склону — его и Риту с ним вместе. Когда прошёл первый страх, ей даже понравился такой способ передвижения, и она страшно веселилась, бодая баранов головой в их тёплые шерстистые бока.

«Ещё посмотрим, чей черепок крепче», — думала она, скака на четвереньках. Сухие сучья и камни царапали и обдирали ей руки и коленки, и ей стало так жалко себя, что по её щекам скатилось несколько слезинок, хотя она совсем не чувствовала боли.

— Давай сюда! — услышала она голос Паоло.

Чуть повыше загона виднелась низенькая полуразвалившаяся каменная кладка, и Паоло уже спрятался за ней, как за окопным валом.

— Здесь нас никто не увидит, — сказал Паоло. — Поднимемся вот по этому каньону.

«Каньон» был овраг на склоне холма, прорытый дождями и оползнями.

— Ты взаправду хочешь туда? — боязливо спросила Рита и поглядела на верхушку горы.

Чуть повыше, метрах в двадцати над ними, темнел край диковинной штуки. Теперь, когда до неё было так близко, Рита даже про себя не осмеливалась называть её тортом: она вдруг стала для неё чем-то таинственным, Штукой с заглавной буквы.

— Если хочешь, жди меня здесь.

Паоло был уверен и полон решимости, словно Колумб, вступающий в Новый Свет. Но Рита справилась со страхом и сказала:

— Нет, пойду!

Недолгий молчаливый подъём вверх по склону — и вот уж до Штуки остались считанные шаги. Вблизи бок её имел зловещий вид неприступной стены.

— Я пойду первым, — сказал Паоло. — Дам знак — поднимайся ко мне. Услышишь крик — не пугайся.

- Господи боже, а вдруг в меня пульнут?
- Поднимайся ко мне, никто в тебя не пульнёт.
- Постой, нá вот совок: если это торт, проделаешь в нём дырку, и мы спрячемся внутри.

Паоло нехотя принял совок. Ведь взять совок — это всё равно что отречься от всех своих убеждений. Да и смешно как-то выйти навстречу пришельцам из космоса с детским

совком в руке. «У них наверняка какой-нибудь смертоносный луч, дезинтегратор, и чего только нет!» — думалось ему.

Но он всё же взял совок — и правильно сделал, потому что на верхушке горы Коко его ждали не марсиане и не венерианцы, готовые раздавить его, словно козявку; и не было никакого космического корабля, хоть сколько-нибудь похожего на те, что он видел в фантастических фильмах. Там ждал его торт — только и всего.

Можно было даже не обладать тонким чутьём, чтобы услышать его запах, вернее, сотни, тысячи запахов, разнообразных и пьянящих. Паоло воткнул совок в стенку торта и мигом вырубил в ней нишу для себя и сестрёнки.

Рита напряжённо прислушивалась, ожидая, когда брат по-

зовёт её, а на неё градом сыпались куски марципана и слоёного теста, лились водопады сладкого вина и ручьи наливки. Тут уж она не стала терять даром времени и принялась оттесывать всё, что валялось ей под руку, и до того увлеклась, что Паоло пришлось трижды окликнуть её.

— Иду, иду! — отзывалась она с полным ртом и юркнула в ароматную нишу.

Паоло быстро замуровал вход глыбой засахаренного бергамота, оставив лишь маленькое окошечко для воздуха и света.

— Ну что, убедился? — спросила Рита и откусила от стены кусок побольше.

— Ладно уж, ты победила. Это торт. Я тебе заплачу.

— Ещё как заплатишь, для чего ж ещё и спорить! Не будешь зря бросаться словами.

— Ладно, я тебе должен. А теперь не мешай мне работать. Ну-ка подвинься, хочу проложить галерею. Надо исследовать весь торт. Ты что думаешь, я сюда обжираться пришёл?

— Фу, какой! У нас под ногами с полметра шокола-

ду, мы сидим в гроте из слоёного теста, нам тут безопаснее, чем Пиноккио в брюхе акулы, а у тебя всё исследования на уме!

— Ну, ты лопай, а я буду копать.

— Ладно уж! — снизошла Рита. — Буду помогать тебе другой рукой. Для еды мне и одной хватит.

Паоло и Рита без труда проходили слои крема, сливок и миндальной нуги. Они перескакивали через ручьи густого сиропа, переходили вброд лужи смородинного сока, и луч их фонарика выхватывал из темноты маленькие гроты, промытые в недрах торта потоками ликёра, совсем как реки Карста, уходя в толщу гор, промывают там естественные пещеры и акведуки.

Время от времени на их пути вставали огромные, как тумбы, засахаренные вишни. Паоло, которого жажда открытий, как мотор, гнала всё вперёд и вперёд, обходил их, ну а Рита знай себе набивала сочной мякотью рот. Одной рукой она рассеянно помогала пробивать галерею, другой ощупывала стенки из глазированных каштанов, пыталась запихнуть в рот большущий, как тыква, фаршированный орех и пробовала на зубок диковинные камни, которые попадались ей под ноги, — это были по большей части жареный миндаль и орехи.

— Давай, давай, — время от времени поторапливал её Паоло. — Да нет же, не здесь, вот так копай, по радиусу надо идти, только тогда доберёшься до центра.

— Ах, как жалко! Вон оттуда, справа, потянуло холодком... Должно же тут быть мороженоё!

— Эх, не взял я с собой компас, вот бы ориентироваться!

— А зачем? Тут повсюду торт: на север и на юг, на запад и на отток.

— Надо говорить не отток, а восток. Сколько раз я тебя учил!

— Ладно уж, знаю, что ты отличник! Зато кто мне спорил? Фу, фу, в этом месте слишком много ликёру. Не опьянеть бы. Ай! Полилось... Ну-ка, попробую... Точно: не вода, а марсала. Караул, тону! Нет, ничего, всё в порядке. Топаем по бисквитам! Правду сказать, мне больше нравятся миндальные: они крепче.

Паоло не переставая работал совком и молча перечислял про себя материалы, которые ему приходилось обрабатывать: «Малиновое варенье... изюм... крем... фисташковое мороженое...»

Вдруг он остановился и схватил Риту за руку — тревога!

— Гаси фонарь! — шёпотом приказал он.

— Да ведь ничего особенного тут нет. Что случилось?

— Тише! Вон, посмотри.

Из стены перед ними, сквозь проделанное совком отверстие, пробивался тоненький лучик света.

Рита заглянула в дырку: там за стенкой была пещера... А посреди пещеры при свете электрического фонарика, воткнутого в апельсиновый цукат, сидел человек и что-то лихорадочно писал на листах бумаги, лежавших у него на коленях.

— Да ведь это Джеппетто! — прошептала Рита.

— Ну да, а ты Фея с синими волосами... Не мели чепухи. Дай мне подумать.

Паоло и Рита поочерёдно прикладывались к наблюдательному оконцу. Так прошло две минуты.

— Ну как, подумал?

— Нет ещё.

— Скажи хоть, о чём думать, тогда я тоже буду думать вместе с тобой. Ждать просто так — скучно!

— Ладно, пока будем звать его синьор Джеппетто, ведь надо же как-то его называть, — ответил Паоло. — Но кто он такой? Что он тут делает? Как сюда попал?

— Я почём знаю. Может, как мы, так и он. И потом, видишь: он пишет — значит, он писатель. Журналист.

— Ну ладно, теперь у тебя есть о чём думать? Думай да помалкивай, пока он нас не заметил.

Рита притихла и стала лизать стенку из мороженого. Но в ту же минуту тишина взорвалась, словно бомба.

— Это Зорро! — воскликнула Рита. — Прибежал по нашим следам.

— Всё погибло, — сказал Паоло тоже во весь голос: он так взволновался, что позабыл про всякую осторожность.

Зорро с радостным лаем бросился к ним, а Паоло припал к отверстию да так и обмер: таинственный синьор Джеппетто вскочил на ноги и стал испуганно озираться по сторонам.

— Молодец, Зорро! — прошептал Паоло.

Пёс улёгся и завилял хвостом.

— Синьор Джеппетто услышал, — сказал Паоло. — Он обходит пещеру, осматривает стены...

— Похоже, пора смыться.

— Постой. Мне хочется установить...

— Ну да, вот он сейчас сам нас «установит», тогда узнаешь!

— Тихо. Он подходит сюда.

Загадочный обитатель торта, осматривая стены пещеры, подошёл вплотную к отверстию, и Паоло мог рассмотреть его вблизи. Это был староватый, лысоватый, сутуловатый — словом, во всех отношениях чуточку «атый» человек, вот

разве что стёкла очков у него были не толстоватые, а прямо-таки толстенные, толщиною в палец, а за ними сверкали необычайно живые чёрные глаза. На нём был длинный широкий балахон, нечто среднее между халатом продавца и фартуком аптекаря. На шее болтался похожий на тряпку галстук, измятый воротник был расстёгнут.

— Бежим, Паоло!

Но Паоло словно прирос к глазку в стене и даже не шелохнулся, когда «синьор Джеппетто» навёл на него свои окуляры. С обеих сторон стены — а она, как мы знаем, была из фисташкового мороженого — две пары любопытных глаз сверлили друг друга взглядом. У Паоло душа в пятки ушла, но он не сдвинулся с места. А загадочный и, ясное дело, не настоящий синьор Джеппетто, похоже, ничуть не испугался. Он крикнул раздражённым голосом:

— Сквак сквок карапак пик!

Такие примерно звуки услышали Паоло и Рита. А также голос Зорро — он вскочил и залаял.

— Брек брок караброк пок! — выкрикнул старикан и принялся обеими руками расширять отверстие. В несколько секунд он проделал в стене окошко и выглянул в него, не переставая квакать на своём непонятном языке.

— Бежим! — крикнул Паоло и попятился назад, не спуская глаз с лица в квадратном окошке посреди зеленоватой стены, освещённой дрожащим лучом фонарика в руке любопытной Риты.

И тут он увидел, или ему почудилось, что за стёклами очков мелькнула улыбка... Ну, а потом они повернулись и ну нарезать во все лопатки по галерее, так что пятки засверкали. Задыхаясь, проридались они сквозь топи сиропа, ликёра и мармелада, с разбегу налетали на стенки из сливок и слоёного теста.

А вон и свет блеснул там внизу... Уже ночь, но все прожекторы зажжены и наведены на торт... Паоло лихорадочно соображал, пробивая отверстие для выхода, потом бросил фонарик под гору и крикнул:

— Зорро, возьми!

Зорро не заставил повторять приказание: он с лаем вы-

скочил из галереи и помчался за фонариком вниз по склону, верный старой игре, которой Паоло и Рита обучили его. Лучи прожекторов, рассекая воздух, вмиг обратились на него. Внизу поднялась страшная суматоха.

Замысел Паоло оправдался. Они побежали вниз по склону, оставленному во тьме словно взбесившимися прожекторами.

— Ну, вот и выбрались...

— Ой, мамочки! — вдруг воскликнула Рита. — Ботинок потеряла!

— Где?

— Не знаю, наверное когда спускались с горы. Пойти поискать, что ли?

— Умница! Тебя сцепают, и всё откроется.

— А торт съедят! Нет уж, ну его, этот ботинок.

Мамы дома не было. Она пришла полчаса спустя, когда «Диомед», уверившись, что марсиане не проявляют враждебных намерений, разрешил обитателям выйти из подвалов.

— Вы хорошо себя вели? Испугались?

— Да, мама, — ответил Паоло на первый вопрос.

— Нет, мама, — ответила Рита на второй.

— Молодцы! — сказала синьора Чечилия. — Сейчас я приготовлю вам ужин.

«Караул!» — подумала про себя Рита, но смолчала.

Золушкин ботинок

Прожекторы оставили Зорро в покое и вновь залили холм потоками света, и тут один из пожарников заметил детский ботинок, он лежал в запретной зоне, прямо у него под носом.

— А ведь этого ботинка тут раньше не было, — сказал он. — Я с этого места весь вечер глаз не спускаю, каждый камешек на нём сосчитал. Ей-богу, только что никакого ботинка тут не было. Правда, сдаётся мне, вроде бы я видел, как сверху что-то такое пронеслось, когда тут вся эта каша вокруг глупого пса заварилась...

— А ты отнеси ботинок начальству да обо всём и доложи, — подал ему мысль товарищ.

— И то верно, пойду отнесу.

«Диомед», он же командование, принял ботинок скептически.

Генерал спросил у присутствующих, уж не ставит ли ОКО своей целью открыть торговлю ношеной обувью. Присутствующие, среди которых особенным — научным — смехом выделялись профессор Теренцио и профессор Росси, усмотрели на подошве ботинка две дырки: не иначе как марсиане носят такие ботинки на голове, сказали они, на манер шлема, а в дырки продевают антенны. Но полицейский Мелетти — он тоже присутствовал при разговоре — недаром прозвывался Хитроумным Одиссеем. Он напал прямо-таки на хитроумную мысль.

— Прошу прощения, синьоры, — сказал он. — Детишки, известно, пренебрегают опасностью и не понимают, что хорошо, что плохо. Кто поручится, что противник, или обитатели неопознанного объекта, не подговорил какого-нибудь ребёнка собирать для него информацию?

— Ближе к делу, — сказал генерал.

— Так вот, если какой-нибудь мальчишка действительно побывал там, наверху, внутри этой штуки, и, удирая, потерял ботинок, мы можем довольно легко это установить.

— Каким образом?

— Проверить ботинки у всех ребят в посёлке.

— Это что же, как в сказке о Золушке! — со смехом отозвался профессор Теренцио.

— А что ж, сказка ложь, да в ней намёк, — возразил профессор Росси: ведь надо же хоть как-то наперчить собрату по науке.

— Ладно, — отрубил генерал. — Сличите ботинок. Не добьётесь ничего путного, так хоть заработаете благодарность какой-нибудь мамаши. Как-никак доброе дело.

Хитроумный Одиссей завернул ботинок в газету, обвязал пакет толстым шпагатом, опечатал и положил в шкаф школьной библиотеки, наказав часовому всю ночь не спускать с него глаз.

— Военная тайна, — сказал он. — Никому ни гугу.

Когда он пришёл домой, дети уже спали. Он вкратце изложил синьоре Чечилии события дня, но про ботинок умолчал: военными тайнами не положено делиться даже с жёнами.

Наутро он спозаранку явился в штаб, достал ботинок и пустился в обход — дом за домом, лестница за лестницей, двор за двором.

Тук-тук!..

— Кто там?

— Откройте, синьора Роза. Это я, полицейский Мелетти. Насчёт вашего сына.

— Ну, что там ещё натворил мой негодник?

— Ничего особенного, синьора Роза. Просто приказ командования. Требуется сличить ботинок.

Синьора Роза — или синьора Чезира, или синьора Матильда — в капоте и туфлях на босу ногу выходила к дверям с кувшином в руке, потом будила своего «негодника», и сличение начиналось.

— Как же вы не видите, синьор Мелетти? Ведь это боти-

нок тридцать второго размера. А мой сын носит сороковой, смотрите, какие здоровущие...

— Приказ есть приказ...

Сличались ботинки целых выводков спящих малышей, и отцы, брея бороды, спрашивали:

— А что, муниципалитет собирается даром раздавать непарные башмаки, да ещё с дыркой? Ах нет, даже с двумя!

— Терпение, терпение, приказ есть приказ.

Разумеется, к ботинку находились парные, и тогда синьор Мелетти учинял допрос.

— А где другой?

— Какой — другой? Другой обуви у моей девочки нет.

— А где ты была вчера вечером в десять часов?

— Синьор Мелетти, — отвечала за девочку мамаша, — во Франции она была, прокатилась в Париж. Где ж ей ещё быть в это время, как не в постели? У меня свидетели есть, спросите хоть у синьора Густаво напротив, он весь вечер у нас просидел, смотрел телевизор.

Синьор Густаво подтверждал. Странствие Хитроумного Одиссея продолжалось.

— А ведь, сдаётся, видел я уже где-то этот ботинок, — бурчал себе под нос ръяный блюститель порядка. — У кого-то на ногах я его уже видел, прах меня разбери. Да, да, видел я уже этот ботинок, как пить дать видел, вот и две дырки на нём. Да, кстати, про какие такие дырки толковала мне утром моя жена? Ах да, Ритучча опять износила ботинки. Обувь на ней так и горит, на этой девчонке, прямо-таки сгорает.

Так, обходя двор за двором, синьор Мелетти добрался до своего дома. Перво-наперво он постучался к привратнице; у неё был сын лет пяти-шести, и она имела зуб на синьора Мелетти и на всех полицейских за то, что года два назад её мужа оштрафовали за превышение скорости.

— Ваша девочка уже встала, синьора Матильда?

— А вы что, пришли её штрафовать? — последовал язвительный ответ.

— Нет, нет, никаких штрафов. Дело вот в чём...

И Хитроумный Одиссей принялся объяснять синьоре Ма-

тильде цель своих полицейских изысканий. А тем временем на лестничные площадки высыпали женщины и дети — наблюдать за ходом переговоров. Всегда есть на что посмотреть, когда встречаются синьор Мелетти и синьора Матильда.

— Ах, вот в чём дело! — передразнила синьора Матильда. — По-вашему, выходит, моя девочка марсианская шпионка!

— Я этого не сказал.

— Ну да, вы этого не сказали, зато подразумевали.

— Ну, словом, приказы отдаю не я.

— Ну конечно, вы только штрафы дерёте!

— Я исполняю свой долг! — вскипал синьор Мелетти.

— Ну так проходите, примеряйте ботинок, святая дева

Мария! Что, велик, золотко моё? Ладно, возвращайся в постельку, шпионочка ты моя ненаглядная! А теперь я примерю ботинок!

— Помилуйте, синьора Матильда, приказ относится только к детям!

— Э, нет, измываться над бедными ребятишками всякий может. Посмотрим, пройдёт ли у вас этот номер со мной...

— Помилуйте, вы раздавите мне ботинок!

— Это я-то? Да я лёгкая, как пушинка. Во мне всего сто двенадцать кило. Нет уж, видно, придётся заводить балаган да показывать на ярмарках аттракцион «женщина-grenadierша» — и то больше заработкаешь.

По лестнице прокатился хохот, и на площадки высыпали все те, кто ещё оставался в квартирах, среди них синьора Чечилия, Паоло и Рита.

Синьора Чечилия, увидев, что её супруг воюет с привратницей, бросилась на подмогу. Паоло последовал за ней, а Рита, чуя недоброе, — за Паоло: она сразу разглядела, вокруг чего идёт свара.

— Ну так начнём! — объявила на весь дом синьора Матильда, сбросила туфлю и сунула свою слоновью ногу в ботинок.

— Большой палец влез, — торжествующе пробасила она. — Вот увидите, войдут и остальные.

— Стой, что ты делаешь? — крикнула синьора Чечилия.

— Ставлю эксперимент по приказу твоего супруга.

— Да ты что, ослепла, ведь это Ритин ботинок! Это ещё что за идиотские шутки!

Синьор Мелетти так и застыл на месте с разинутым ртом, словно его громом трахнуло. А синьора Матильда разразилась таким хохотом, что чуть не задохнулась, и соседке пришлось принести ей стакан воды.

— Ты мне объяснишь, что здесь происходит? — кричала синьора Чечилия, яростно тряся синьора Мелетти за плечо.

— Это военная тайна, — насилиu выдохнул из себя Хитроумный Одиссей.

— Где ты нашёл ботинок? Это ещё что за комедия!

— Молчи, я не имею права говорить.

Но вот он пришёл в себя, с профессиональной суровостью повёл взором вокруг и сказал:

— Очистить помещение! Расходитесь, граждане, расходитесь. Представление окончено.

Первым исполнил приказание Паоло, он выкрадся потихонечку из ворот и был таков. Рита хотела шмыгнуть за ним, но отец схватил её за руку:

— А ну-ка поди сюда!

Рита вырвалась и тесно прижалась к маме. Та всё ещё ничего не понимала и продолжала негодовать:

— Нет, вы только посмотрите, как эта толстомясая отдала ботинок нашей Ритуччи! Не иначе как спятила! Ну да ладно, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!

Тяжёлый случай

Ещё несколько минут синьор Мелетти разгонял зевак и поэтому, когда подошёл к двери своей квартиры, нашёл её запертой на щеколду изнутри.

— Именем закона — открой! — крикнул он супруге.

— Какого ещё закона? Чего ты привязался к ребёнку?

— Спроси лучше, чего она натворила. Спроси, как и где она потеряла ботинок... Да впусти же меня, наконец, ведь соседи всё слышат!

Последний довод убедил синьору Чечилию приоткрыть дверь. Но прежде чем впустить мужа, она долго изучала его лицо. Оно было как обычно, только, пожалуй, чуточку озабоченнее, но без каких-либо признаков бешенства.

— Ладно, входи. А ты кончай реветь.

Последние слова относились к Рите, которая плакала на взрыд.

— Наша дочь шпионка! — воскликнул синьор Мелетти, без сил оседая на стул. И, помахав в воздухе ботинком, добавил: — Вот доказательство.

— Какое доказательство? Дырки? Это доказывает всего-навсего то, что Ритучче нужны новые ботинки.

— Ты ничего не понимаешь.

— А что ещё я должна понимать?

Пришлось синьору Мелетти рассказать всё о ботинке, начиная с обнаружения его в зоне военных операций и кончая подозрением в том, что марсиане используют детей для сбора информации. Рассказал он и о своём расследовании.

— Не подлежит сомнению, — заключил он, — что наша дочь работает на марсиан.

— Никакие они не марсиане! — не удержавшись, всхлипнула Рита и вытерла слёзы о юбку матери.

— Вот видишь! — громовым голосом подхватил Хитроумный Одиссей. — Она знает, кто они такие, она была там, была там, наверху, и видела их! И потеряла ботинок, когда выходила из космического корабля.

— Никакой это не космический корабль! — возразила Рита. — Это торт.

Тут мамаша мигом переменила фронт и дала ей подзатыльник.

— Я тебе дам торт!

Была у синьоры Чечилии такая привычка — давать сразу, не обещая. И Рита вновь расплакалась, на этот раз от обиды, что ей не поверили.

— Да, торт, торт! — твердила она, всхлипывая. — Сейчас я вам докажу.

Она выбежала на балкон, родители последовали за ней. Она отставила горшок с геранью и сказала:

— Вот.

Припрятать остаток торта надумал Паоло. Он завернул его в старую газету, перевязал пакет верёвочкой и подвесил на балконе снаружи. Синьора Чечилия с величайшей осторожностью, словно это был бикфордов шнур, потянула за верёвочку. Пакет развязался, и все увидели, что в нём.

— Шоколад, — изрекла синьора Чечилия, всецело доверяясь своему чутью. — Откуда ты взяла?

— Кто тебе дал? — набросился на дочку синьор Мелетти.

— Никто мне его не давал. Он с неба свалился, оторвался от торта, когда торт садился на гору Коко.

Ещё один подзатыльник убедил Риту в том, что мама не верит ни единому её слову.

— Вот видишь! — воскликнул синьор Мелетти. — Она их покрывает! Выдумывает небылицы, чтобы покрыть этих там, наверху. Теперь ты убедилась, что она шпионка?

— Не знаю, шпионка ли, — отвечала синьора Чечилия. — А вот что врушка — это точно. Только не могла же она выдумывать всё это одна? Где Паоло?

В самом деле, где Паоло?

— Смылся под шумок, — констатировал синьор Мелетти. — Но ничего, доберёмся и до него. А пока надо идти в штаб.

— В штаб? Да ты в своём уме? Моя дочь в штаб не пойдёт.

— Подумай, Чечилия! Отечество в опасности! Да что там отечество — человечество в опасности! Мы не смеем утавливать информацию, которой располагаем.

— Как может торт угрожать отечеству! — воскликнула Рита.

Мать отпустила ей третий подзатыльник, а в придачу добавила:

— Помалкивай, не то хуже будет! — Затем сказала мужу: — Сделаем так. Иди в штаб и расскажи, в чём дело. И если командование захочет поговорить с Ритой, пусть приходят и располагаются здесь.

Синьор Мелетти хотел возразить супруге, но, отлично зная, что, приняв решение, она не переменит его, он в конце концов смирился и вернулся в штаб с ботинком и куском торта в пакете.

«Диомед» — иначе сказать, сливки гражданского, военного и учёного мира — выслушал его доклад с величайшим скептицизмом.

— У детей пылкое воображение, — пробурчал генерал.
— Да уж, выдумывать они любят, — поддакнул один полковник.

— Но ведь это же на самом деле кусок шоколада! — пробормотал Хитроумный Одиссей.

Он, разумеется, испытал немалое облегчение, что его дочь не сочли за шпионку, однако был очень недоволен, что её сочли просто лгуньей.

— Ну, а что скажет по этому поводу наука? — спросил генерал.

Профессор Росси и профессор Теренцио наклонились и понюхали улику.

— Ничто не мешает предположить, что марсиане не хуже нас умеют изготавливать шоколад, — изрёк профессор Росси.

— Ничто не мешает предположить, что дети нашего бравого блюстителя порядка купили шоколад в кондитерской, — изрёк профессор Теренцио.

— Это исключено, — отозвался синьор Мелетти. — По пути сюда я обошёл все кондитерские. Во-первых, ни в одной кондитерской в Трулло не продают шоколад такими большими кусками. Во-вторых, последний раз моих детей видели в кондитерской на прошлой неделе. Они купили две жевательные резинки. Этот шоколад не труллианского происхождения.

— Но это ещё не означает, что он с неба свалился, — возразил профессор Теренцио.

— Попробуем на вкус? — предложил профессор Росси.

— Спокойно, спокойно, — высказался профессор Теренцио. — Давайте лучше отдадим его на химический анализ. Если он внеземного происхождения, в нём обнаружится какой-нибудь неизвестный нам элемент.

— Ага, боитесь! — сказал профессор Росси. — Значит, и вы того же мнения, что...

Профессор Теренцио побледнел и стукнул кулаком об стол.

— Я ничего не боюсь. Я действую в интересах науки.

— В интересах науки, — возразил профессор Росси, —

мужественные врачи прививали себе самые страшные болезни.

— Это вызов! — громогласно заявил профессор Теренцио.

— Так точно, — подтвердил профессор Rossi, в свою очередь побледнев. — Сейчас мы отрежем по кусочку этого предполагаемого шоколада и съедим, тогда и увидим, земной он или космический.

По сливкам общества пробежал трепет волнения.

— Синьоры, — робко возразил генерал, — вам не кажется, что это неблагоразумно? Можно ли допустить, чтобы два выдающихся ума современности пожертвовали собой ради...

— Мне бросили вызов! — с достоинством ответствовал профессор Теренцио.

— Мои дети утверждают, — пробормотал синьор Мелетти, — что они съели не меньше полкило этого шоколада, что это отличный шоколад и что он легко усваивается.

— Хватит болтать, — сказал профессор Rossi. — Приступаем к эксперименту.

В комнате повисло тревожное молчание. У сливок общества дух захватывало при виде бледных, как мертвецы, светил, которые пожирали друг друга глазами, намереваясь проглотить два малюсеньких кусочка загадочного вещества.

— Прошу заметить, генерал, — сказал профессор Rossi, торжественно чеканя слова, — какие важные последствия может иметь этот момент. Возможно, от нашего эксперимента зависит спасение всего человечества. Присутствие на нашей планете космических агрессоров, на мой взгляд, представляет большую опасность, чем взрыв атомной бомбы. Находясь в здравом уме и трезвой памяти, я...

Профессор Rossi говорил долго и цветисто — до того долго, что присутствующие в глубине души начали спрашивать себя: «Проглотит или не проглотит?»

Затем слово взял профессор Теренцио. Он рассуждал о Солнечной системе и космосе, взвывал к великим именам Данте, Галилея, Коперника и Ньютона, вскользь помянул о различии между пещерным человеком и профессором Эйнштейном — короче, говорил блестательно, и вся его речь исправ-

но накручивалась на магнитофон, дабы ни одно слово из неё не пропало.

И снова присутствующие начали спрашивать себя: «Съест или не съест?»

Похоже, оба учёных ожидали, что и генерал произнесёт подходящую к случаю речь, но генерал хранил гробовое молчание.

Свирепо уставясь друг на друга, словно два дуэлянта в решающий момент дуэли не на жизнь, а на смерть, учёные с героической самоотверженностью положили по кусочку шоколада на кончик языка.

Взяли в рот.

Пожевали.

Проглотили.

Несколько секунд они каменели в неподвижности — ни дать ни взять две статуи в городском саду. Потом по лицу

профессора Росси поползла гримаса, и такая же гримаса, как в зеркале, отразилась на лице профессора Теренцио.

— Ну что, дрянь шоколад? — спросил синьор Мелетти, совершенно не прочувствовавший важности момента.

На него с негодованием зашикали.

— Дубина... — буркнул в сторону генерал. Затем обернулся к учёным: — Итак, синьоры? Мы ждём.

— Испытываю что-то вроде удушья, — проговорил профессор Росси.

— А я совсем задыхаюсь... — выдавил из себя профессор Теренцио.

— Возможно... Возможно это... — начал первый.

— ...яд! — докончил второй.

— «Скорую помощь», быстро! — приказал генерал. — Срочно доставить их в ближайшую больницу.

— Караул! — завопил синьор Мелетти. — Рита! Милая моя Ритучча! Паоло! Их тоже надо в больницу! Скорее, ради бога, скорее!

Профессор Росси и профессор Теренцио корчились, словно в страшных муках, трясущимися руками расстёгивали на себе воротнички, хватались за генерала, за полковника, за всех присутствующих.

— Вот! — выкрикнул кто-то. — Вот что получается, когда медлят пустить в ход пушки!

Кто произнёс эту историческую фразу, осталось невыясненным: в комнате поднялся страшный переполох.

Профес sor Икс

Между тем как «скорая помощь» под пронзительный вой сирены увозила в больницу двух жалобно стонавших учёных и Риту, которая, наоборот, уверяла, что чувствует себя прекрасно, удручённый и встревоженный Паоло бродил где-то в поле.

Ух, какое вредное утро!.. Чтобы скоротать время, он стал гоняться за ящерицами в старом заброшенном карьере.

Ужасно интересное занятие, когда прогуливаешь уроки, ну, а теперь это ему сразу надоело. Он не взял с собой никакой еды, но, по правде говоря, есть после вчерашнего обжорства ему нисколечко не хотелось. Когда издали донёсся рёв сирены, он решил, что уже полдень, и ноги, словно по команде, понесли его обратно в Трулло, а в голове не переставая вертелись мысли о том, что приключилось с ним в торте.

«Эх, слишком быстро мы удрали, — размышлял он, — вид-то у этого синьора Джеппетто, или как там его ещё звать, совсем не страшный. И на марсианина он ни капельки не смахивает. Похоже даже, он заулыбался, когда мы показали ему пятки».

Паоло шёл по улицам, а сердце так и прыгало у него в груди: вдруг его разыскивают? Из одного двора его окликнул знакомый мальчишка:

— Тебя что-то весь день не было видно. Ты что, болел?

— Да, — быстро ответил Паоло, — а теперь выздоровел.

«Значит, никто ничего не знает, — заключил он про себя. — Лишь бы не попасться на глаза отцу».

Так он шёл и шёл и наконец упёрся в цепь пожарников.

Торт на вершине холма не подавал признаков жизни. Паоло разговорился с одним из пожарников, и тот сказал, что, по его мнению, приказ о штурме ожидается с минуты на минуту.

— Сперва, конечно, объявят тревогу, и всем штатским придётся отчалить.

— Хотите устроить марсианам душ? — мрачно спросил Паоло.

— Душ я устрою тебе, если ты сейчас же не уберёшься отсюда.

Тут, откуда ни возьмись, с весёлым лаем прибежал пёс семейства Мелетти.

— Зорро! — радостно воскликнул Паоло и бросился ласкать его. — Где гонял, побродяжка?

Зорро блаженно завилял хвостом.

— Метиши с снова наверх... — пробормотал Паоло, почёсывая его за ухом. — Погоди, сейчас посмотрим, что тут можно поделать.

Идея родилась, как только его взгляд упал на вросший в землю камень, словно кто нарочно подложил его тут. Паоло поднял камень и, улучив момент, когда пожарник зазевался, изо всех сил метнул камень вверх по склону. Зорро принял приглашение к игре и бросился за камнем, чтобы принести его хозяину. Но у Паоло совсем другое было на уме. Как только пёс проскочил через оцепление, Паоло кинулся за ним и закричал:

— Помогите, помогите! Моя собака! Не хочу, чтобы она досталась марсианам! Арго, Арго!

— А ну, назад! — загадели пожарники. — Назад, дурачок! Тебе что дороже, собака или жизнь? Совсем ошелел мальчишка. Назад, тебе говорят!

Но Паоло точно оглох. Зорро уже возвращался к нему с камнем в зубах, как вдруг повернулся и побежал обратно вверх по склону, будто смекнув, чего хочет от него хозяин.

— Мальчик, вернись! Это опасно! — кричали пожарники. Тем временем на шум уже начал сбегаться народ.

— Да ведь это сын синьора Мелетти! — крикнул какой-то мальчишка. — Ой, смотрите, там, наверху, кто-то есть!

— Марсианин! Марсианин!

— Глядите, он схватил Паоло и тащит его за собой!

У входа в галерею Паоло в последнюю минуту почудился блеск очков таинственного «синьора Джеппетто», и он на секунду заколебался.

«Так ведь для того ты и явился сюда, чтобы разузнать, кто это», — мелькнула у него отчаянная мысль.

Но кем бы ни была таинственная личность, она решила за него: протянула руку, схватила его за куртку и втащила в галерею, отбрыкиваясь от Зорро, который вцепился ей в ногу.

— Квек, квереквек, переброк! — заверещал загадочный незнакомец на своём непонятном языке.

— Стой, Зорро! Веди себя прилично, — приказал Паоло. Что-то подсказывало ему, что этому человеку можно довериться, каковы бы ни были его намерения.

— А ведь это итальянский, — пробормотал «синьор

«Джеппетто». — Стало быть, мы в Италии? Заставь замолчать эту собаку, мальчик, и говори сам.

— Зорро, фу! Молчать! Лежать!.. Да, синьор, мы в Италии, в Риме.

— В Италии... в Риме... — повторил «синьор Джеппетто».— Боже милостивый!

— А что, вы сбились с курса?

— Сбился с курса?

— Ну да, я думал, может, торт в другое место доставляли?

— Как видно, ты принимаешь меня за пирожника... Нет, мой мальчик, я не пирожник, я самый настоящий сапожник.

— Вы отлично говорите по-итальянски.

— Ну, что до этого, то я владею дюжиной языков не хуже своего родного.

— Марсианского? — робко спросил Паоло.

— Марсианского? — переспросил «синьор Джеппетто». — А, понятно. Теперь понятно всё это развертывание боевых порядков, все эти пушки, ракеты... Ну конечно! Иначе и быть не может. Разумеется, марсиане. Тревога! Вторжение инопланетного агрессора! Боже мой, это конец! Я пропал.

И он впал в такое

отчаяние, что Паоло имел полную возможность справиться со своим замешательством. Он уселся на большую засахаренную вишню, а Зорро принялся усердно облизывать её языком.

— Меня зовут Паоло. А мою сестрёнку — Рита. Вчера вечером она была здесь вместе со мной, а сегодня уж и не знаю, куда девалась.

— Паоло... — повторил «синьор Джеппетто». — Прости, что не могу, в свою очередь, представиться. Моё имя — государственная тайна.

— А какого государства?

— Это тоже тайна. Так что не спрашивай, всё равно я не смогу тебе ответить. Впрочем, кажется, я вообще забыл, как

меня зовут, такая это тайна. Если угодно, зови меня просто профессор Икс.

— Тогда, может, лучше звать вас профессор Джеппетто. Это Рита придумала вам такое имя.

— Кто такой Джеппетто?

— Как, неужели вы не знаете историю Пиноккио?

Профессор Икс с сожалением признал, что ничего о нём не слыхал, и Паоло с места в карьер пустился рассказывать ему о приключениях славного Буратино, но профессор не дослушал его до конца.

— Как по-твоему, что это такое? — спросил он, делая широкий жест рукой.

— Вкуснейший торт, профессор, — ответил Паоло. —

Самый большой, самый невиданный торт на свете. Летающий торт, самый большой из всех предметов, которые прилетали к нам из космоса.

— То-то и оно, что торт. Как только я в этом убедился, ну, думаю, у тебя ум за разум зашёл. Галлюцинации у тебя, сказал я себе, всюду тебе мерещатся шоколад, крем, фисташки и всякая такая штука. Но как ни печально, факт остаётся фактом: это торт, глупый торт, и ничего, ничего больше.

— Глупый торт? И это печально? О чём вы говорите, профессор?

— Тебе не понять.

— Ну уж извините, пожалуйста, в шоколаде-то я толк понимаю, и можете мне поверить, это люкс шоколад.

— Да, это так. Он ничуть не радиоактивен.

— Откуда вы знаете?

— У меня счётчик. Там, в пещере. Счётчик Гейгера. Слышал про такой?

— Прибор для измерения радиоактивности?

— Он самый. Так вот, во всём этом чудовищном идиотском торте нет и следа радиоактивности. Я изрыл его вдоль и поперёк, я разворотил его чуть ли не по двадцати радиусам, раскалывал по окружности, с поверхности, в самой глубине — и абсолютно ничего. Вот это-то и сводит меня с ума. '

— Постойте, что же тут плохого? Если бы торт был радиоактивный, его нельзя было есть.

— Ах, я уже сказал: тебе не понять.

— Ну так объясните.

— Объясню, сколько могу. Некоторые подробности, разумеется, составляют государственную тайну и потому опускаются. Начнём с того, что я учёный-атомник.

— Земной?

— Ну разумеется, земной. Да ты сам-то не видишь разве?

Самая замечательная ошибка на свете

— Полгода назад, — продолжал профессор Икс, — я получил важное правительственное задание — изучить проблему атомного гриба, и притом с определённой целью. Что такое атомный гриб — знаешь?

— Ещё бы! Это такое смертоносное облако, которое образуется после взрыва атомной бомбы. Так, что ли?

— Примерно так. Ну, а потом, сам знаешь, ветер подхватывает облако и разносит во все стороны...

— Отравляет воздух, отравляет дождь и всё такое прочее. Хороший способ рассеивать с воздуха всякую заразу.

— Ну вот и подумай. Большая часть атомного облака рассеивается в атмосфере, и его смертоносный эффект утрачивается.

— Ну и слава богу!

— Как сказать, мой мальчик. Ты плохой экономист. Зачем же терять столько драгоценных веществ?

— Этих самых... ядовитых, что ли?

— Ну да, ядовитых. Вот у нас в правительстве и подняли вопрос: что, если получить управляемый атомный гриб? Ведь тогда можно как угодно вертеть им в атмосфере. Пусть себе ходит в небе вокруг Земли, словно маленькая Луна, а понадобилось — спусти его тут, спусти там, снова подними в воздух и направь на другой объект. Вот и выходит, что единственная атомная бомба сможет заменить целый атомный арсенал.

— Хорошенькое дело! — возмутился Паоло. — Ничего себе удовольствие: сперва тебе на голову валится бомба, а потом ещё и гриб в придачу! И охота вам, учёным, заниматься такими делами!

— Это делается из экономических соображений, — совершенно серьёзно ответил профессор.

— Ну уж простите, пожалуйста! А что, если вовсе не делать атомных бомб? Вот экономия так экономия!

— Тебе этого не понять. Это политика. А я в политику нос не сую. Я всего-навсего учёный. Вернее даже, был когда-то учёным, а теперь, увы!..

— Продолжайте, пожалуйста, профессор. Вы получили правительственное задание, и что дальше?

— Я сразу засел за разработку проекта управляемого атомного гриба. Не к чему говорить, сколько экспериментов, сколько пота...

—и денежек, — вставил Паоло.

— ...ушло на это. Словом, месяц назад я как будто нашёл решение проблемы. Я передал на завод чертежи и лично наблюдал за всеми приготовлениями, за всем процессом производства пробной бомбы. И бомба вышла на славу, скажу я тебе.

— На славу?

— Ну прямо-таки расчудеснейшая, самая замечательная атомная бомба на свете. Высококачественные материалы, элегантное оформление, совершеннейшее устройство. Помню, как её вспрыскивали. Знамёна, шампанское, пирожные. Волнующее торжество. Министр поздравлял, так чуть мне всю руку не отдавил и на радостях уронил в бомбу пирожное. Знаешь, эти пирожные с кремом и шоколадом. Вот сме-ху-то было! Но это не могло испортить механизм бомбы. По крайней мере, так я думал вначале, но теперь, увы, думаю иначе. Ну ладно, настал день испытаний. Бомбу предполагалось сбросить с самолёта и взорвать на высоте десяти километров над землёй, вернее, над морем. Предполагалось, что я буду лично наблюдать с самолёта за атомным грибом, этак с полчасика поуправляю им, а затем потоплю в заданном районе океана.

— Какого океана?

— Не могу сказать, сынок. Государственная тайна.

— Океан Государственная Тайна? Нет такого на географических картах!

— Да постой ты, дай договорить. Всё шло хорошо до самого взрыва. Я велел пилоту следовать на определённом расстоянии за грибом и приготовился к важнейшей части испытаний. Но гриба попросту не образовалось! Атомное облако быстро сгустилось, приняло форму плоского цилиндра, и он стал медленно вращаться вокруг своей оси. Что за чертовщина, думаю, но ягодки были ещё впереди: вдруг оказа-

лось, что эта штуковина абсолютно не подчиняется разработанной мною системе телев управления. Я подходил к грибу и так, и этак, и сверху, и снизу, но, как ни старался направить его в какую-либо сторону, не тут-то было: он был неуправляем. Пилот вконец изнервничался и заявил, что горючее на исходе и пораозвращаться на базу, если мы не хотим свалиться в море. Ну, да я его и слушать не стал, до того тошно мне было. Подумашь, свалиться! Прежде всего надо было подчинить себе гриб!

— Или лучше сказать — гриб-негриб.

— Ну ладно, пусть будет по-твоему, не гриб так не гриб. Словом, кончилось тем, что горючее действительно вышло, пришлось выбрасываться с парашютом. Пилот, конечно, был опытнее меня, сумел смахнуть гриб и упал в море,

там его и подобрали. Ну, а я бухнулся головой прямо в этот гриб-негриб. Если б даже целился, и то не попал бы точнее — угодил в самую серёдку, это я уж потом разглядел.

— И набили себе шишку об шоколад!

— Никакой шишки! Наоборот, с разинутым ртом прямо в сбитые сливки. Вот наглотался так наглотался! Ну и представь себе, каково мне было: столько исследований, правительственные испытания, и вдруг на тебе — торт! Всего-навсего торт, пусть даже гигантских размеров. А всё из-за какой-то нелепой случайности!

— Каково же вам было?

— Да хоть делай в торте дырку — и в море, вот каково!

— Глупости... Ой, простите, пожалуйста. Будь я на вашем месте, счастливее меня не было бы человека на свете. Вы что же, не любите сладкого?

— Как не любить? Обожаю. Ну, а теперь все узнают, что я специалист исключительно по тортам. И виноват в этом всецело я сам. Конечно, пирожное министра тоже сыграло свою роль, но если б я не напортачил с проектом, даже миллион пирожных не смог бы вызвать эту нелепую цепную реакцию превращения в шоколад.

— Но ведь вы должны бы гордиться таким достижением, вы облагодетельствовали человечество.

— Не морочь мне голову!

— Ну так чего ж вы не провортели дырку да и в море головой?

— Вот, не провортел... Ветер понёс торт, торт понёс меня. В еде, к сожалению, недостатка не было. Со мной была бумага, и я принялся проверять расчёты, искать ошибку. Вчера вечером как будто докопался до сути, и тут явились вы. Я пробежал по вашей галерее до самого входа и уяснил обстановку. Я и не подозревал, что торт приземлился да ещё избрал местом посадки город Рим.

— Все дороги ведут в Рим, — констатировал Паоло. — Ну и что же вы намерены теперь предпринять?

Профессор Икс поднялся и стал расхаживать по галерее взад и вперёд, шлёпая прямо по лужам ликёра и мятной настойки и не обращая на них ни малейшего внимания.

— Я должен уничтожить это свидетельство моего позора, чтоб духу от него не осталось!

— Уничтожить эту божью благодать? Простите, профессор, вы сумасшедший. Да ведь тут сластей — ешь, ешь, за год не переешь!

— Это исключено. Я уничтожу торт, вернее, добьюсь того, чтобы его уничтожили.

— Каким образом?

— Очень просто: с помощью всего этого войска, которое обложило его со всех сторон. Мой план таков. Перво-наперво я укреплю их в подозрении, что это инопланетный космический корабль, потом создам видимость, будто марсиане готовятся к нападению, и вызову на торт массированный огонь. А там уж огнемёты сделают своё дело.

— Не бывать этому! Да ведь вы и сами погибнете.

— Погибну, так надо. Не впервые учёному жертвовать собой...

— Зато впервые учёному помирать в торте, вместо того чтобы съесть его! Этого я не допущу! Больше того, я всем объявлю, какой гений прячется тут внутри. Новый Леонардо да Винчи¹, который умеет делать из бомб торты! Вы станете величайшим гением современности! Подумайте о всех тех городах мира, на площадях которых благодарное человечество воздвигает вам памятники!

— Жажду себе лишь одного памятника: могилы!

— Вы с ума сошли, профессор! Подумайте, подумайте, как прекрасна жизнь и как вкусен торт...

— Я думаю лишь об одном: моё имя учёного-атомника навсегда обесчещено. Так что лучше не настаивай, Паоло. Жребий брошен. Смерть меня не страшит. Ты поможешь мне осуществить мой план.

— Ни за что!

— Нет, поможешь! Ты отнесёшь командованию операцией «Антиторт» послание, в нём будет сказано: «Землянам с борта космического корабля «Марс-1». Извольте в полчаса сложить оружие и доставить нам в качестве заложников ты-

¹ Леонардо да Винчи (1452—1519) — великий итальянский художник и учёный эпохи Возрождения.

сячу детей. В противном случае по истечении тридцатой минуты даём ядерный залп по Риму, и город в секунду будет стёрт с лица земли. Подписал: командир корабля... Э-э... какое бы имечко позаковыристее подобрать? Ну ладно, пусть будет хоть «командир Гор». Как по-твоему, внушительно получается? Понятное дело, никто не пришлёт мне тысячу детей — это было бы сущее преступление. Им останется лишь немедленно открыть огонь, не дожидаясь срока истечения ультиматума. И торту придёт конец. Finis, как говорили наши древние римские предки. Сейчас соорудим послание...

И профессор без промедления принялся строчить дрожащей от волнения рукой текст ультиматума.

Дойдя до числа заложников, он на мгновение задумался.

— Тысячу?.. А ну-ка, затребуем две. Да, да, именно две. Так скорее откроют пальбу и сократят мои смертные муки.

— Не тратьте попусту времени, — решительно сказала Паоло. — Не думаете же вы всерьёз, что я отнесу вашу сумасшедшую записку командованию.

— Ещё как отнесёшь!

— Фигушки! Говорю вам, не отнесу, и баста.

— Ну так я силой вытурю тебя из торта — да и вниз под горку.

При этих словах профессор Икс как-то странно переменился в лице. Казалось, он вот-вот расплачется.

Он закончил послание, подписался своим причудливым выдуманным именем и дал параллельный текст загадочными письменами, которые изобрёл тут же на месте.

— Образчик марсианского письма, — сказал он. — Для пущей убедительности.

Он сложил листок и протянул его Паоло.

— Вот, будь пай-мальчиком.

— В противном случае?..

— В противном случае за холку да под горку, я тебе уже сказал.

— Ну, попробуйте!

Профессор Икс тяжело задышал, по его лицу пошли судорожные гримасы, но в глазах читалось, что никого-то он за холку не схватит и под горку не спустит, потому что на это он просто не способен.

— Не дразни меня, — жалобно проговорил он. — Я добрый!

— Добрый, а хотите расколошматить торт, чтобы он никому не достался.

— Ну пожалуйста, Паоло, сделай, как я тебя прошу.

— Нет.

В пылу спора профессор Икс, стараясь убедить Паоло, погримасил и схватил его за руку, совсем забыв про свидетеля — Зорро.

Решив, что Паоло в опасности, пёс с рычанием вскочил и вцепился бедняге профессору в ногу.

— Ай! Помогите!

— Тихо, Зорро. Лежать! Вот видите, профессор, вы меня не то что вытурить, а даже пальцем тронуть не можете. И, по-

ка я здесь, торт будет цел и невредим, ведь не захотите же вы моей смерти. Или, может, я ошибаюсь?

— Если у меня нет выбора, — мрачно проговорил профессор Икс, — я брошу записку с грузом, и ты погибнешь вместе со мной, став жертвой собственного упрямства. Но не хочу я идти на такую крайность!

— А я не хочу, чтобы торт пропал!

— Сквик, сквок, караброк, брек, брак! — заверещал профессор.

— Если вы будете разговаривать со мной на таком языке, я ничего не пойму, — спокойно заметил Паоло.

— Сквок, сквек, сквик...

Профессор Икс ещё долго разорялся в том же духе и впал в такое отчаяние, что Паоло и впрямь подумал, уж не повредился ли он в уме. Но затем профессор успокоился, снова перешёл на итальянский и снова принял с невероятным терпением уговаривать Паоло отнести записку.

— Дай мне умереть от моей ошибки, — умолял он.

— Это была бы величайшая историческая ошибка, — отвечал Паоло.

Долго ли, коротко они воевали, неизвестно. Да это и неважно: ведь воевали-то они на словах. Известно лишь, что Зорро вдруг забеспокоился, навострил уши, глухо заворчал и с лаем бросился вон из торта.

— Ты куда, Зорро? — закричал Паоло ему вслед. Затем выглянул из галереи и залился безудержным весёлым смехом.

— Нашёл чему смеяться! — пробормотал профессор Икс.

— Сколько вы хотели заложников, профессор?

— Тысячу или две...

— Ну так вон они, сами к вам валят, и ультиматума никого не надо. Уж две-то тысячи как пить дать.

— Ты о чём?

— Взгляните сами, профессор. Ну идите посмотрите!

Ребята друг дружку понимают

А теперь вернёмся чуть-чуть назад и последуем за машиной «скорой помощи», которая воем сирены прокладывала себе путь среди уличного движения, увозя в больницу профессора Росси, профессора Теренцио и малютку Риту. Оба учёных без конца ныли и охали.

— Ой, ой, как больно! — стонал один.

— Ай, ай, как пребольно! — вторил другой. — Нотариуса ко мне скорее, хочу писать завещание!

Санитары хлопотали над ними, утешали, успокаивали, клали им на живот пузыри со льдом. У Риты глаза на лоб лезли от удивления.

— Да что с ними такое?

— Отведали по кусочку марсианского лжешоколада.

— Лже?! Да они что, с ума сошли, и вы с ними вместе? Шоколад взаправдашний, самый взаправдашний. Ничуточки не отправленный, а то из меня давно бы уже дух вон. Я его чуть ли не целое кило съела, и ничего — во какая здоровая!

— Да замолчи ты, понимала б что-нибудь, а то!..

— Ну, болит у меня живот или не болит, это-то я понимаю. Для этого совсем не надо быть профессором.

— Ладно, помалкивай. Не беспокой бедняг, не видишь, что ли, как они маются.

— Это-то я вижу. Совсем как Паоло, когда он дуриком хватил касторки.

Санитары досадливо поджали губы — попробуй ей что-нибудь докажи, этой болтушке. А тем временем автомобиль уже прокатил по широким больничным аллеям. Риту сразу обступила толпа врачей — целых десять человек, — и заведующий отделением пустился в обследование.

— Ну, что ты чувствуешь?

— Ничего.

— Здесь болит?

— Нет.

— А здесь? А вот здесь?

— Нет. И здесь нет. Ничего я не чувствую! Что я должна чувствовать? Не пила я касторки! Я только шоколад ела, да ещё какой шоколад!

— Ну-ну! Сейчас увидишь, что с тобой будет.

— А что со мной будет? Говорю вам, я здорова. И ещё, если хотите знать, эта штука на горе Коко никакой не космический корабль, а просто-напросто торт. Вот хоть у моего брата спросите или у синьора Джеппетто!

— Кто такой синьор Джеппетто?

— А я откуда знаю? Подите сами да и разузнайте, кто он такой. Он там, в торте, в самой серёдке сидит, и он весь его слопает. Вот везёт человеку!

Заведующий отделением повернулся к своей свите и скрушил покачал головой.

— Вы слышали, синьоры! Бедняжка бредит. В её помрачённом сознании в страшном беспорядке перемешались образы фатального лакомства и приключений Пиноккио. Очевидно, яд начал действовать на нервные центры. Будем надеяться, чем-нибудь сможем помочь. Для начала, полагаю, необходимо ввести что-либо успокоительное.

— Абсолютно необходимо! — хором подтвердили десять врачей.

Рита расплакалась навзрыд, стала звать маму, брыкаться-ся-отбиваться, но ей всё равно вкатили укол. И смотри ж ты! Врач был прав: укол действительно подействовал успокоительно! Ритины рыдания мало-помалу стихли, и она вскоре заснула, а санитар вытер ей слёзки.

Тем временем другие врачи обследовали профессора Росси и профессора Теренцио. Их обследовали вдоль и поперёк, по очереди прослушивали им грудную клетку, стучали молоточком по колену (проверяли рефлексы). Но, по правде сказать, ничегошеньки-то у них не нашли. Да и сами светила, что один, что другой, к своему удивлению, обнаружили, что не могут в точности указать, в каком месте чувствуют свои ужасные боли.

Здесь? Не здесь. Здесь? Не здесь. Ну так где же? Может, здесь? Нет, и здесь тоже не болит. Вот чудеса!

Профессор Росси был немало сконфужен, профессор Теренцио тоже.

— Не знаю отчего, но мы больше ничего не чувствуем, — признались они.

— Если б это были не крупнейшие учёные, — шепнул потом один врач своему коллеге, — я, пожалуй, сказал бы, что они сами придумали себе все эти болезни.

— Мда... Случай самовнушения. Проще сказать, они здорово перетрухнули...

Для верности успокоительный уколовчик вкатили и двум знаменитостям, и они тотчас захрапели.

Несколько часов спустя Рита проснулась и сразу зажмурила глаза: что это, опять вокруг неё сгрудились врачи? Какие ещё такие действия-злодействия они собираются над ней произвести?

«Врачи в пижамах не ходят!» — вдруг мелькнула у неё мысль, и она чуть приоткрыла один глаз. Вокруг стояли не врачи, а мальчики и девочки из соседнего отделения, они находились в палату и с любопытством глядели на неё.

— Кто вы? Что случилось?

— Ничего особенного, — ответила ей девочка в красном халате, как видно, самая старшая из всех. — Мы тоже больные. Пришли тебя проводить.

— Спасибо, — ответила Рита.

Но девочка в красном халате не собиралась кончать разговор.

— Знаешь, — продолжала она, — мы слышали, о чём ты кричала, когда тебя привезли.

— Это правда, что у нас в Трулло объялся сладкий торт с гору величиной? — вступил в разговор беленький мальчик с рукой на перевязи.

— Правда. А вот врачи мне не верят.

— Слушай, а он вкусный, этот торт?

— Ещё бы! Вот если бы вам тоже его попробовать! Торт мировой, можете мне поверить. Да к тому же ешё космический. Только вчера с неба свалился.

- Вот здорово! — воскликнул беленький мальчик.
- Жалко, — вздохнула девочка в красном халате.
- Что — жалко?
- Что не можем его попробовать.
- Да уж... — сказала Рита со вздохом, а про себя подумала: «Вот как легко мы, ребята, понимаем друг друга. У них и в мыслях нет, что всё это бредни. Уж они-то верят, что я про торт не сказки рассказываю». — Мне тоже жалко, — добавила она вслух. — Но ничего, дайте только выбраться из больницы, во какой кусок вам притащу!
- А когда это будет? — спросил беленький мальчик.
- Не знаю, наверное, скоро.
- А вдруг выйдешь и окажется, что торта уже нет, что тогда? — спросила девочка в красном халате.

Рита молчала.

Да и что могла она ответить на этот вопрос? Вот приедет она в Трулло и вдруг узнает от Паоло, что торта больше нет, что его уничтожили солдаты или унесло грозой. Вот страсти-то какие!

Ребята с тревогой глядели на неё, ожидая ответа, и в их глазах читался один и тот же вопрос, одно и то же опасение. Тут она не выдержала, вскочила с постели и обвела взглядом палату, ища свою одежду. А девочка в красном халате словно угадала её мысли и сказала:

- Твою одежду запрятали в шкаф в другом отделении.
- Ну и ладно, — сказала Рита. — Пойду так.
- А ты дорогу-то знаешь?
- Ничего, спрошу.
- Дурочка, так тебя мигом водворят на место. А я вот знаю, как попасть в Трулло через поле.

Говорила всё время девочка в красном халате. Похоже было, она обо всём подумала заранее.

— Слушайте, — сказала она, — я и как выйти из больницы через сад знаю. Пойдёмте со мной, притворимся, будто играем в прятки.

- Все-все? — спросила Рита и широко раскрыла глаза.
- Ну да, все! — взвизгнул беленький мальчик, подпрыгивая от радости.

— Ведь ты же сама сказала, что он с гору величиной.

— Его на всех ребят Рима хватит, — чуть ли не с обидой отозвалась Рита.

— Ну так надо предупредить их! — воскликнул беленький мальчик.

— В коридоре есть телефон, — сказала девочка в красном халате, — а у меня есть жетон. Позвоню своему братишке, скажу, чтобы обзвонил всех своих мальчишек, а те пусть звонят дальше, пусть предупредят всех ребят, где только можно — на улице, в школе, во дворе. Но ты уверена, что хватит всем-всем?

— Клянусы! — сказала Рита и положила руку на сердце.

— А что, если дать объявление по радио? — простодушно спросил беленький мальчик.

Все так и покатились со смеху и даже не объяснили почему. А девочка в красном халате тем временем побежала к телефону.

— Алло, говорит Лукреция. Это ты, Сандрино? Слушай меня внимательно. Или лучше возьми листок бумаги и карандаш, я продиктую тебе важное сообщение. Ты меня слышишь?

— Что он там делает? — спросила Рита. — Чего копается?

— Вечная история: карандаш сломан, а другого нет. Алло, Сандрино? Ты жив? Ну вот, теперь не может найти чинилку. Возьми мою, она в моём портфеле.

— Быстрее, ради бога, бы-

стреем, — умоляли ребята, сгорая от нетерпения. — Вот придут санитары — и всё пропало.

Наконец Лукреции удалось продиктовать Сандрино свои директивы. Диктowała она гладко, ну прямо как учительница, без сучка без задоринки, словно давно уже продумала всё до конца и план окончательно созрел у неё в голове. Ну и голова эта Лукреция!

Волшебный телефон

Помните сказку про гаммельнского крысолова, который своей волшебной флейтой избавил целый город от крыс? Ну, а потом ему не заплатили, как было обещано, и тогда он снова заиграл на флейте, и все дети города пошли за ним, и даже самые маленькие, которые и ходить-то ещё не умели, поползли за ним на четвереньках.

Что-то в этом роде приключилось в тот день и в Риме. Телефонный звонок Лукреции подействовал ничуть не хуже волшебной флейты.

В самом деле, ну что, если б знаменитый крысолов заиграл на своей флейте посреди площади святого Петра? Кто бы его услышал? Разве что те немногие ребятишки, которые играют у фонтанов и обелиска. А может, и те бы не услышали: так шумят здесь автомобили. Как же заставить

услышать себя в современном городе? Телефон — вот волшебная флейта современности. Не прошло и получаса, как телефонные звонки, скака со скоростью цепной реакции между Правобережьем и Торпиньяттарой, Тестаччо и Сан-Джованни, Париоли и Квадрато, разнесли весть:

«В Трулло свалился с неба космический торт с гору величиной!»

И вот те, у кого звонил телефон, быстро набирали номера своих друзей и передавали известие дальше, потом высовывались из окна и делились новостью с ребятами, игравшими во дворе. Потом выскакивали на улицу — и айда в Трулло. Все спешили в Трулло, кто на трамвае, кто в автобусе, кто на велосипеде, а кто и просто пешком. Рим вдруг оказался на воднён ребятней. Детишки валом валили изо всех ворот, безропотно оставляли мячи в руках полицейских и припускали бегом, кто с полдником, кто с сумкой в руке. В школе Франческо Криспи ученики на глазах учителей все, как один, поскакали с мест и кинулись к дверям.

— Вы куда? А ну-ка по местам! Стойте! Хотите, чтоб я вас всех наказал?

Но, как ни кричал учитель, всё было напрасно: школа

вмиг опустела, словно вдруг настал конец учебного года. Осиrotели полунаписанные сочинения и полурешённые задачи, прервались на полуслове ответы по истории и географии.

— В Трулло! В Трулло!

Прохожие с любопытством оглядывались на ребят. Полицейские ошалело хватались за головы (прикрытие каской). Из окон высовывались мамаши и кричали:

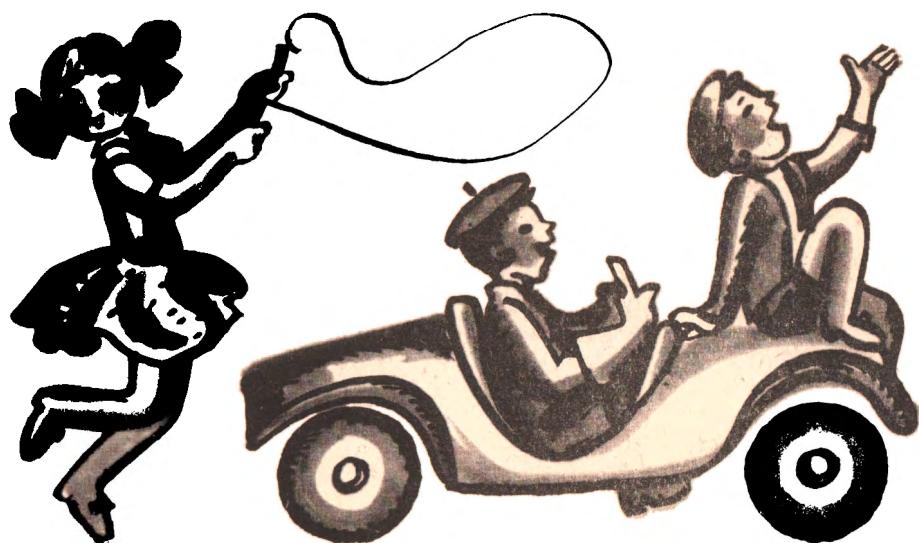
— Тонино! Пьетро! Мария! Гильда! Оретта! Дарио! Альбертина!

Но куда там! Никто из ребят даже не обернулся на зов.

Вот пятеро мальчишек медленно катят на одном самокате. А вот мальчик из Париоли — это богатый квартал города — взгромоздился на тележку и знай себе мчится на зависть своим менее удачливым сверстникам, которые пытаются на трёхколёсных велосипедах и пожарного цвета педальных автомобильчиках или шумно несутся вперёд на роликовых коньках.

— В Трулло! В Трулло!

Многие девчонки бегут, прыгая через скакалку. Это потому, что им кажется, будто так они быстрее доберутся до

цели, и ещё потому, что они вообще никогда не расстаются со скакалкой.

— Что такое? Неужто революция? — взывает какой-то аптекарь с порога своего заведения. — Может, пора опускать жалюзи?

Шестеро мальчишек с Кампо де Фьори одолжили у старьевщика ручную тележку и совершают вояж со всеми удобствами: двое толкают тележку, четверо сидят в ней и кричат:

— В Трулло! В Трулло!

Нашлись даже отчаянные головы, которые пересекали Рим в лодках по Тибру от моста Мильвио до Мальяны и оттуда устремлялись лугами к горе Коко. Торт красовался на её вершине, окрашенный лучами закатного солнца в цвет земляничного пирога.

Понятное дело, волшебные телефонные звонки достигли и Трулло. Так что первыми ринулись к подножию торта юные трулловцы, или труллаки, а то и труллалеи, уж не знаю, как лучше их называть.

Тщетно пожарные и полицейские, пехотинцы и кавалеристы, офицеры иunter-офицеры пытались сдержать их натиск.

Как раз в это время Рита и Лукреция и вывели свою ватагу из больницы, а тем, кто не мог встать с постели, пообещали принести по большому куску торта.

Понятно, не обошлось и без слёз.

— Хочу с вами! — умолял мальчик с ногой в гипсе. — Покачу на одной ноге!

— Голова садовая, — отвечала ему Лукреция. — Так ты и здоровую ногу сломаешь. Будь пай-мальчиком, мы тебя не забудем.

И она убежала, словно бабочка крыльями трепыхая полами своего красного халата. Бок о бок с ней бежал беленький мальчик с рукой на перевязи и кричал:

— Вот повезло, что я сломал не ногу, а руку! Правда, повезло?

Какой-то зеленщик, увидев пробегающую мимо стайку ребят в пижамах, халатах и просто вочных рубашках, закричал:

— Да ведь карнавал-то уже когда прошёл?.. А ты куда? Ну-ка назад, бездельник, сейчас же назад!

Последние слова относились к его собственному сыну. Но тот не стал долго раздумывать, карнавал или не карнавал,

а, узнав, в чём дело, попросту бросил мотыгу и побежал за ребятами.

— Пощадите! — крикнул профессор Икс, показываясь вместе с Паоло в отверстии галереи.

Тысяча, две тысячи, три тысячи ребят, ломая и расстреливая боевые порядки вооружённых сил, устремились вверх по склону холма. В воздухе зазвенели ликующие клики:

— В атаку!

— На штурм!

— Даёшь торт!

— Я пропал! — бормотал профессор Икс, без сил опускаясь на миндальное пирожное. — Теперь торт уже не уничтожить.

— Спорим, торт будет уничтожен! — сказал Паоло.

— Как так?

— Откройте глаза, профессор! Чего ж ещё делать с тортом? Уж не думаете ли вы, что ребята станут его обмерять-вычислять: какова окружность, какова площадь основания? Да не пройдёт и часа, как от него и следа не останется!

Профессор Икс просиял, словно внутри него зажглась лампочка.

— А ведь верно! Они съедят его! От него не останется ни крошки. Ура! Вперёд, ребята, вперёд! Хватит на всех! Приятного аппетита всей честной компании! Надо же быть таким ослом — не сообразить этого раньше!

— Ничего, — утешил его Паоло. — Бывает, и учёный даёт промашку.

Первые ряды атакующих были уже в нескольких шагах и в особом приглашении не нуждались: во всех глазах горела радостная решимость разделаться с врагом так, чтоб от него цуката на цукате не осталось. Ещё мгновение — и за торт принялись со всех сторон.

Взвод сапёров очертя голову ринулся в штоллю, прорытую Паолой и Ритой. Другие оказались гораздо практичеснее и начали прямо с периферии.

— Внимание, дети! — бубнил тем временем «Диомед» из своего громкоговорителя. — Не принимайте угощения от

марсиан. Они дадут вам отравленные сладости: не ешьте их!

Но кто стал бы слушать эти уверения?

— Оставьте нам! — ворвались вновь прибывающие, взбегая вверх по склону.

Торт в два счёта издырявили, словно решето. Десятки галерей и ходов прорезали его по всем направлениям. Сияющий профессор Икс появлялся то тут, то там. Он помогал слабым отрывать плиты шоколада, рушил стенки из миндальных пирожных, указывал, где находятся лучшие сорта мороженого, и подсаживал к потолку самых маленьких, чтобы они могли полакомиться сбитыми сливками.

- Вы марсианин? — спрашивали его ребята.
- Да, да. Я марсианин. Ешьте и пейте, вы в гостях у Марса.
- Да здравствует Марс! — кричали ребята, набивая себе рты.

Хватит на всех

- Диомед, я Дедал. Диомед, я Дедал. Приём.
- Я Диомед. Вас слышу. Приём.
- Господин генерал, тут творится что-то несусветное, я бы сказал, потусветное.
- А что вы знаете о том свете? Вы что, там бывали? Спускались в ад с Данте Алигьери?¹ Докладывайте, что у вас перед глазами. Приём.
- Господин генерал, я не верю своим глазам.
- Сделайте над собой усилие.
- Одним словом, господин генерал, ребятня кусок за куском поедает неопознанный объект. Вот почему больше не слышно их голосов: у них набиты рты.
- Вы хотите сказать, космический противник приманивает детей сладостями?
- Противника вообще не видать, господин генерал. Видны только дети, а космический объект всё уменьшается в размерах, попросту говоря, тает на глазах.
- Это что-то несусветное!
- О чём я и докладывал, господин генерал.
- Такой разговор произошёл часов в шесть того знаменательного вечера между офицером разведки — пилотом вертолёта, который патрулировал над городом Коко, и командованием ОКО, которое разместилось, как уже известно, в школьном управлении Трулло. Не справившись с натиском детворы, «Диомед» поднял в воздух вертолёт, чтобы хоть как-то контролировать положение.

¹ Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт, автор поэмы «Божественная комедия», вторая часть которой называется «Ад».

Генералы и полковники, начальники пожарных команд и шефы полиции, слушая донесения лётчика, избегали смотреть друг другу в глаза — легко ли признаться себе в том, что не знаешь, как поступить в таком положении.

Тут в комнату ввалился полицейский Мелетти, по прозвищу Хитроумный Одиссей, он едва переводил дух и что-то нечленораздельно лопотал.

— Да что вы там мелете, Мелетти? — рявкнул генерал, не понявший ни слова из того, что говорил полицейский.

Синьор Мелетти схватился за грудь — это он брал себя в руки — и наконец вымолвил два мало-мальски осмыслиенных слова.

— Моя жена... — выговорил он, словно веером обмахивая себя беретом.

— Ну?.. Сожгла жаркое? Не пришила вам пуговицы к рубашке? Нашли с чем соваться к нам в такой момент!

— Погодите немного, дайте отдохнуться... Моя жена сошла с ума.

— Позвоните в сумасшедший дом и не морочьте нам голову.

— Говорю вам, она сошла с ума, господин генерал! Решительно спятила! Она пошла по дворам и собрала кучу женщин. Говорят, они намерены прийти сюда за своими детьми... А ещё...

— Ах, и это ещё не всё?

— А самое главное, господин генерал, я слышал, она звонила своей сестре, она живёт на Правобережье, своей двоюродной сестре, она живёт у Монте Марио, своей куме, она живёт у...

— Послушайте, Мелетти, уж не собираетесь ли вы читать подряд всю адресную книгу? Ближе к делу.

— Короче, она известила пол-Рима, что вся детвора здесь, в Трулло. А теперь об этом узнали и все остальные. И вот из всех кварталов города на нас идут мамаши, господин генерал, идут батальонами, полками, целыми дивизиями!

— И вы только сейчас нам об этом докладываете, болван!

— Всё случилось в минуту, господин генерал. Моя жена,

уж если ей что втёмняшится в голову, становится прямо-таки социально опасным элементом!

— Диомед, я Дедал. Приём.

— Я Диомед. Что там у вас есть? Приём.

— Женщины, господин генерал. Прорвали оцепление и теперь со всех сторон штурмуют холм. Взялись неизвестно откуда, словно разъярённые фурии. Быстрым шагом идут вверх по склону, точь-в-точь стрелковые цепи, и кличут своих детей. Приём.

— Этого следовало ожидать, — заметил кто-то в комнате. — Противник связал нас по рукам и ногам. Он знал, что делает, заманив к себе детей. Он свёл с ума матерей и таким манером без единого выстрела поставил нас на колени. Надо было с самого начала разбомбить неопознанный объект, вот что надо было делать!..

— Ладно, пошли смотреть... — сухо сказал генерал.

Все, как один, встали и двинулись к выходу, словно только и ждали приказа.

— А вы нет, — сказал начальник полиции Мелетти. — Вы арестованы. Будете знать, как жениться на социально опасных элементах.

— Как же так? Кто, как не я, поднял тревогу? И потом, у меня тоже дети, они там, наверху! Имею же я право...

— Вы арестованы — и баста. Ещё скажите спасибо, что хоть дочка-то ваша в безопасности в больнице.

А Рита в эту минуту была не в больнице, а на седьмом небе. С блаженным видом она вгрызалась в глыбу обжаренного миндаля величиною с диван, а Лукреция, беленький мальчик и прочие друзья по больнице награждали её признательными взглядами. Разговаривать было некогда, обо всём говорили взгляды. В царившей вокруг суетне все держались вместе и тихо-мирно поедали доставшуюся им пещеру, а если кто находил какое-нибудь особенное мороженое или залежь засахаренных фруктов, то, не переставая жевать, просту махал в ту сторону рукой.

Но вот шумной толпой набежали всклокоченные мамаши, словно дело шло о срочном спасении их чад от пожара или землетрясения, и тут поднялось что-то невообразимое.

— Карлетто! Роберто! Пинучча! Анджела! Андреа!
Крики, возгласы, отчаянные призывы. А потом — шлёт! шлёт! — пошли первые подзатыльники: это мамаши начали находить своих сорванцов, с головы до ног обмазанных сливками.

Синьора Чечилия разыскивала Паоло, а вместо него наткнулась на Риту и с такой силой притиснула её к груди, что у дочки только косточки затрещали.

— Доченька, радость моя! Ты разве не была в больнице?

— Как же не была, смотри, — отвечала Рита, указывая на окружавшие её пижамы, халаты иочные рубашки, испачканные шоколадом и сладким кремом.

— Добрый день, синьора, — вежливо сказала Лукреция. — Не хотите немножечко торта?

— Попробуй, мама, — подхватила Рита. — Можешь мне поверить, он не отравленный. Разве я когда-нибудь говорила тебе неправду?

Синьора Чечилия не без опаски понюхала кусок торта. Хозяйка она была превосходная, толк в сластях понимала и

просто не могла нанюхаться. Наконец нюх и зрение уступили очередь вкусу.

— Ах, какая прелесть! Кто его приготовил?

Словом, синьора Чечилия начала с удовольствием уплетать торт, и её примеру последовали тысячи мамаш вокруг, а их отпрыски захлопали в ладоши, как обычно сразу же забыв про подзатыльники.

— А Паоло? Где Паоло? — спросила синьора Чечилия.

Да вот он, Паоло. Похоже, он один из всех не ел. Сытый и довольный, он словно профессорский ассистент шёл с обходом по торту.

— Мама!

— Паоло, сыночек мой!

— А вот профессор, который сделал этот торт.

— Приятного аппетита, синьора.

— Замечательно, профессор, поистине замечательно! Это шедевр, а не торт!

Профессор Икс теперь и сам стал склоняться к такой мысли. При виде тысяч детишек и мамаш, которые за обе щеки уплетали даровое угощенье при последних отблесках дня, на его глаза набегали слёзы. Ни один удачный эксперимент не доставлял ему такого блаженства, как этот неудачный. Вот как, бывает, мы учимся на ошибках.

Медленно надвигался вечер. Кучками, одна за другой, дети и их мамаши стали спускаться вниз. Почти каждый нёс под мышкой большой кусок торта: жёны думали о мужьях, внуки о дедушках и бабушках. Одни дети вспомнили о своих любимых собаках и кошках, другие о комнатных канарейках. Торт уже не был похож на самого себя, его окружность быстро отступала к центру, а там уж и серёдка зазияла пустотой, и от торта остались лишь островки шоколада, кучки марципана да лужицы ликёра.

— Угощайтесь, угощайтесь, — говорил профессор Икс. — Всё забирайте, не обижайте меня.

Тут только и заявились на холм солдаты и пожарники, блюстители порядка и полицейские агенты, и каждый получил свою долю, причём каждый пробовал торт уже после женщин и детей.

— Вперёд, ребята! — призывал профессор Икс. — Вперёд на торт! Там, внизу, залежалось ещё несколько центнеров. Вперёд, господин генерал, угощайтесь, не стесняйтесь. Потом я вам всё объясню. Не забывайте только о своей синьоре и детках!

Но эта рекомендация была излишня: синьора и детки генерала были тут как тут. Словом, торта досталось всем, за исключением профессора Росси и профессора Теренцио, которые оправлялись от испуга в больнице.

Изрядный кусок достался синьору Мелетти, когда синьора Чечилия, Рита и Паоло пришли вызволять его из-под ареста.

И мне тоже достался кусочек, я пришёл последним, но как раз вовремя, чтобы услышать во всех подробностях, как было дело.

Рано или поздно торт достанется всем. Это будет тогда, когда торты станут делать вместо бомб.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Марсиане	6
«Диомед, я Дедал...»	15
Таинственный синьор Джеппетто	21
Золушкин ботинок	32
Тяжёлый случай	38
Профессор Икс	44
Самая замечательная ошибка на свете	51
Ребята друг дружку понимают	59
Волшебный телефон	65
Хватит на всех	72

Для младшего возраста

ДЖАННИ РОДАРИ

ТОРТ В НЕБЕ

Сказка

Ответственный редактор
Н. В. Шерешевская.

Художественный редактор
Н. Г. Холодовская.

Технический редактор
Т. В. Перцева.

Корректоры

Л. М. Короткина и З. С. Ульянова.

Сдано в набор 13/1 1969 г. Подписано к
печати 10/VII 1969 г. Формат 70×90¹/₁₆.

Печ. л. 5. Усл. печ. л. 5,85 (Уч.-изд. л. 4,63).
Тираж 100 000 экз. ТП 1969 № 492. Цена

25 коп. на бум. № 2

Ордена Трудового Красного Знамени из-
дательство «Детская литература» Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР.
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Калининский полиграфкомбинат детской
литературы Росглавполиграфпрома Комите-
та по печати при Совете Министров
РСФСР. Калинин, проспект 50-летия
Октября, 46. Заказ № 28.

О

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Для детей младшего школьного возраста в 1969 году издаются следующие произведения иностранных писателей:

Анна Мария Матуте

БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПАССАЖИР

Повесть о мальчике, спрятавшем на чердаке заключённого, бежавшего из лагеря.

Перевод с испанского

Роберт Макклоски

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГОМЕРА ПРАЙСА

Повесть о мальчике из маленького американского городка.

Перевод с английского.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высыпаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

О

Цена 25 коп

